

► Вестник МОТ: COVID-19 и сфера труда. Шестой выпуск Обновленные оценки и анализ

23 сентября 2020 г.

Ключевые идеи

Последние события на рынке труда

Заккрытие рабочих мест

- Общая доля работников, проживающих в странах, где действует какой-либо режим закрытия рабочих мест, остается высокой — на уровне 94 %. **Доля работников, проживающих в странах, где закрытие рабочих мест носит обязательный характер для всех предприятий, кроме жизненно важных, в масштабах всей экономики или в отдельных областях, по-прежнему значительна, хотя и заметно отличается от региона к региону.** Около 70 % работников из группы стран с доходом выше среднего до сих пор проживают в странах, где действуют такие строгие ограничительные меры (на всей территории либо в определенных географических областях) — при этом в странах с низким доходом введенные ранее строгие меры были значительно смягчены, несмотря на рост числа случаев заражения COVID-19.

Потери рабочего времени вновь превышают предшествующие прогнозы

- **Закрытие рабочих мест по-прежнему создает дисбаланс на рынках труда всего мира и приводит к тому, что масштабы потерь рабочего времени превышают предшествующие прогнозы.** Общие предполагаемые потери рабочего времени во втором квартале 2020 г. (по сравнению с четвертым кварталом 2019 г.) в настоящее время составляет 17,3 %, что эквивалентно полному рабочему времени 495 млн работников (ЭПЗ); опубликованная в пятом выпуске *Вестника МОТ* оценка в размере 14,0 % (400 млн рабочих мест в ЭПЗ) была пересмотрена в сторону увеличения. Сильнее всех пострадали страны с доходом ниже среднего, в которых, согласно оценкам, снижение объемов рабочего времени во втором квартале текущего года составило 23,3 % (240 миллионов рабочих мест в ЭПЗ).
- **Ожидается, что объем потерь рабочего времени в третьем квартале 2020 г. останется высоким и составит 12,1 % или 345 миллионов рабочих мест в ЭПЗ.** Более того, пересмотренные прогнозы на четвертый квартал

содержат более мрачные перспективы, чем предполагалось ранее. Согласно базовому сценарию, **ожидаемые потери рабочего времени в последнем квартале 2020 г. составят 8,6 %, или 245 миллионов рабочих мест в ЭПЗ.**

- Последние данные подтверждают, что потери рабочего времени находят отражение в более высоком уровне безработицы и бездействия, причем бездействие растет в большей степени, чем безработица. **Рост бездействия — характерная черта текущего кризиса в сфере занятости, требующая пристального внимания со стороны лиц, ответственных за разработку политики.** Снижение числа занятых среди женщин в целом было выше, чем среди мужчин.

Потери трудовых доходов

- **Эти большие потери рабочего времени привели к значительным потерям трудовых доходов.** Оценки потерь трудовых доходов (без учета мер поддержки доходов) предполагают общемировое снижение на 10,7 % в течение первых трех кварталов 2020 г. (по сравнению с соответствующим периодом 2019 г.), что составляет 3,5 триллиона долл. США, или 5,5 % мирового валового внутреннего продукта (ВВП) за первые три квартала 2019 г. Потери трудовых доходов наиболее высоки в странах со средним уровнем дохода и достигают 15,1 % в странах с уровнем дохода ниже среднего и 11,4 % в странах с уровнем дохода выше среднего.

Влияние политических мер и пробелы

Эффективность налогово-бюджетных мер для снижения дестабилизации рынка труда

- **В ответ на кризис многие страны приняли крупномасштабные пакеты бюджетных стимулов, в частности для поддержки доходов и бизнеса.** По оценкам, увеличение бюджетных стимулов в среднем на 1 % годового ВВП могло бы привести к сокращению потерь рабочего времени на 0,8 процентных пункта во втором квартале 2020 г. При отсутствии каких-либо бюджетных стимулов общемировые потери рабочего времени составили бы 28 %.

«Разрыв в стимулах» между странами с низким и средним уровнем доходов

- ▶ Бюджетное стимулирование¹ распределено по миру неравномерно в сравнении с масштабами дестабилизации рынка труда. Согласно оценкам, разрыв в бюджетном стимулировании составляет около 982 млрд долл. США между странами с низким доходом и доходом ниже среднего (45 млрд долл. США и 937 млрд долл. США соответственно). Этот разрыв означает тот объем ресурсов, который потребуется этим странам для обеспечения соответствия среднему уровню стимулирования относительно потерь рабочего времени в странах с высоким доходом. Показательно то, что предполагаемый разрыв в стимулах для стран с низким уровнем доходов составляет менее 1 % от общей стоимости пакетов бюджетного стимулирования, объявленных странами с высоким доходом.

Взгляд в будущее

- ▶ Поскольку масштабная и серьезная дестабилизация рынка труда продолжилась в третьем квартале 2020 г. и сохранится в четвертом квартале, ответные политические меры должны быть последовательными, адаптивными и направленными на решение пяти основных задач:

- ▶ Выстраивание правильного баланса и последовательности мероприятий в области здравоохранения, а также экономической и социальной политики, особенно в свете недавнего роста числа случаев заболевания во многих странах.
- ▶ Поддержание необходимого масштаба политических мер с обеспечением их большей эффективности и действенности.
- ▶ Ликвидация разрыва в стимулах в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, что требует большей международной солидарности и одновременного повышения эффективности мер стимулирования.
- ▶ Адаптация политической поддержки к нуждам уязвимых и наиболее пострадавших групп, включая женщин, молодежь и неформально занятых. Поскольку потери трудовых доходов огромны, меры поддержки доходов наиболее пострадавших групп должны стать приоритетом политики.
- ▶ Опора на социальный диалог как эффективный механизм политического реагирования на кризис

▶ Часть I. Последние события на рынке труда: продолжают закрытия рабочих мест, потери рабочего времени и снижение трудовых доходов

Жесткие меры по закрытию рабочих мест были ослаблены во многих странах, но действующие меры по-прежнему широко распространены

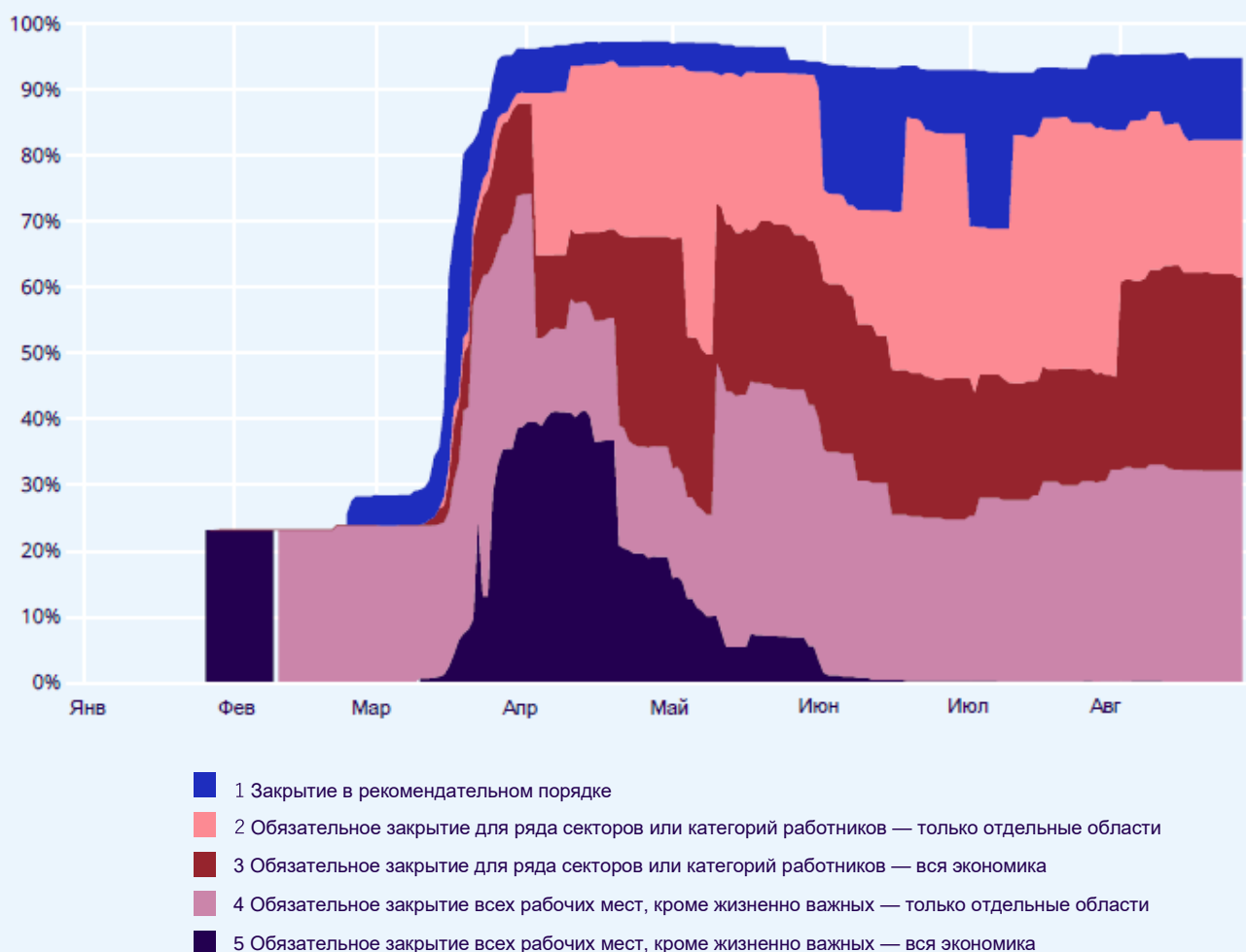
В общей сложности 94 % работников в мире в настоящее время проживают в странах, где действует тот или иной режим закрытия рабочих мест. Их доля достигла максимума в размере 97 % 25 апреля 2020 г., затем медленно снижалась до середины июля, после чего снова начала немного расти.

Закрытие всех рабочих мест, кроме жизненно важных (самая строгая из возможных мер) по-прежнему затрагивает значительную часть мировой рабочей силы.

По состоянию на 26 августа 2020 г. почти третья часть работников в мире (32 %) проживали в странах, где действовал такой режим. В последнее время самые строгие меры по закрытию рабочих мест стали ориентироваться на районы с наибольшим уровнем заболеваемости, а не на экономику всей страны. Еще 50 % работников в мире проживали в странах, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для ряда секторов или категорий работников (такие ограничения также все чаще нацелены на определенные районы внутри страны), и только 12 % работников проживали в странах, где действовал только рекомендательный порядок закрытия рабочих мест (см. Рисунок 1).

¹ Под бюджетным стимулированием здесь подразумеваются меры «над чертой», включающие пособия по безработице, субсидирование заработной платы и другие выплаты, снижение налогов и отсрочки налоговых платежей (см. МВФ, [Fiscal Monitor: Policies to Support People during the COVID-19 Pandemic](#), апрель 2020 г., вставка 1.1). Эти меры напрямую компенсируют убытки, вызванные дестабилизацией на рынке труда, и находят непосредственное отражение на балансе государственного бюджета, долге и растущей потребности в заемных средствах.

Рисунок 1. Доля занятого населения мира в странах, где происходит закрытие рабочих мест, 1 января — 26 августа 2020 г. (в процентах)

Примечание: Доля работников из стран, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для ряда секторов или категорий работников, и доля работников из стран с закрытием рабочих мест в рекомендательном порядке добавлены к доле работников из стран, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для всех, кроме работников жизненно важных отраслей.

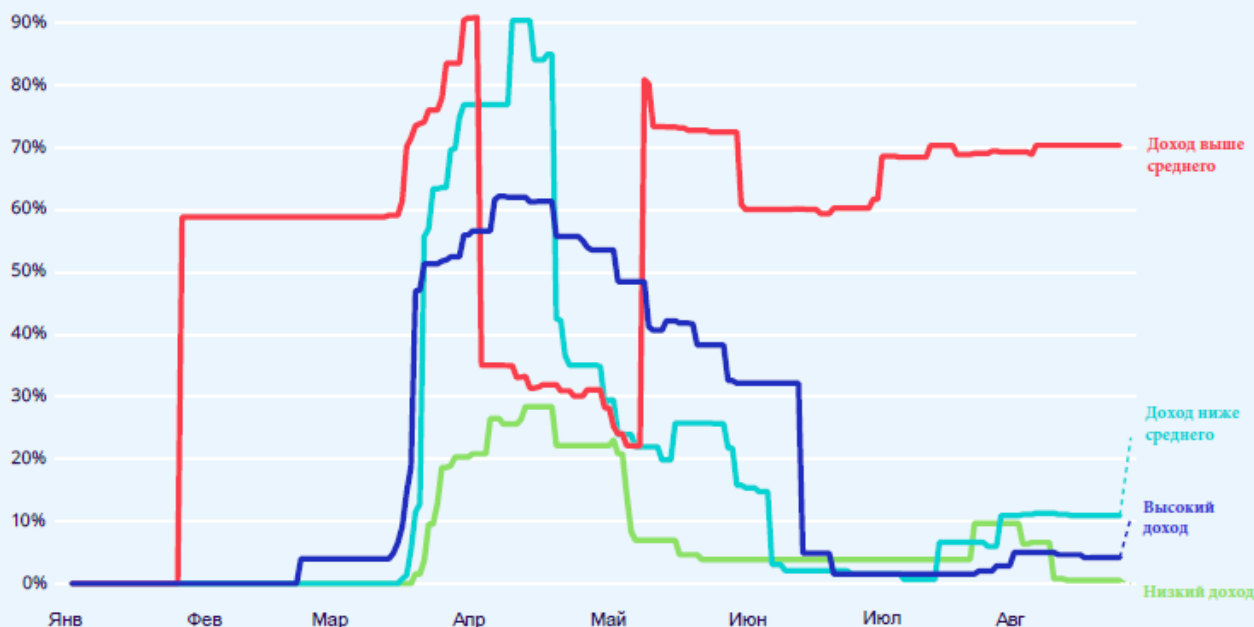
Источник: База данных ILOSTAT, смоделированные оценки МОТ, ноябрь 2019 г.; система отслеживания реагирования правительств разных стран на COVID-19 *Oxford COVID-19 Government Response Tracker*.

Значительно изменилась распространенность различных режимов закрытия рабочих мест. С начала апреля 2020 г. многие страны постепенно ослабили действующие меры, заменив их на требования о закрытии для определенных секторов и типов работников, но не отменили ранее существовавшие ограничения полностью.

Распространенность самого строгого типа ограничений (обязательное закрытие всех рабочих мест, кроме жизненно важных) существенно отличается в зависимости от региона (см. Рисунок 2). Отражая возобновление пандемии во многих странах, тенденция к снижению распространенности этого типа ограничений, которую можно было наблюдать с апреля, прекратилась в конце июня и снова начала немного расти, особенно в странах с доходом выше среднего.

Несмотря на рост числа случаев заболевания, аналогичная тенденция не проявилась в странах с низким уровнем доходов, в основном из-за необходимости возобновить работу ввиду большого числа бедных, для которых работа, особенно в неформальной экономике, является единственным источником средств к существованию. Во всех странах из этой группы самые строгие меры по закрытию рабочих мест теперь затрагивают только определенные географические районы — в начале же кризиса, напротив, в большинстве стран ограничения действовали в масштабах всей экономики.

► **Рисунок 2. Доля работников, проживающих в странах, где действует обязательное закрытие рабочих мест для всех предприятий, кроме жизненно важных, в масштабах всей экономики или в отдельных областях, в разбивке по уровню доходов стран, 1 января – 26 августа 2020 г. (в процентах)**

Примечание: В каждой из групп стран по уровню доходов доля работников, где действует обязательное закрытие рабочих мест для всех предприятий, кроме жизненно важных, включает работников как в странах, где эти меры действуют в масштабах всей экономики, так и в странах, которые внедряют их только в районах с наибольшим числом зараженных (т. е. типы мер 5 и 4 на Рисунке 1).

Источник: База данных ILOSTAT, смоделированные оценки МОТ, ноябрь 2019 г.; система отслеживания реагирования правительств разных стран на COVID-19 *Oxford COVID-19 Government Response Tracker*

Пересмотр предполагаемых потерь рабочего времени в сторону увеличения отражает ухудшение ситуации на рынке труда и дает слабую надежду на быстрое восстановление экономики в этом году

Согласно последним оценкам МОТ, в течение первых трех кварталов 2020 г. общемировой объем рабочего времени сократился значительно сильнее, чем предполагалось ранее (см. Вставку 1). Кроме того, тяжелые и длительные экономические последствия пандемии значительно ухудшили перспективы на четвертый квартал.

Первый квартал 2020 г.

За первый квартал 2020 г. общемировой объем рабочего времени сократился примерно на 5,6 % (в сравнении с первоначальными оценками в размере 5,4 %) относительно четвертого квартала 2019 г., что эквивалентно полному рабочему времени 160 млн работников (при 48-часовой рабочей неделе) (см. Рисунок 3 и Таблицу 1).²

Поскольку в Китае (где строгие ограничительные меры были введены уже в конце января) и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона вирус начал распространяться раньше, вполне закономерно, что на этот регион пришлось примерно 80 % сокращения общемирового рабочего времени в первом квартале текущего года. В частности, в субрегионе Восточной Азии наблюдалось сокращение рабочего времени на 12,0 %, или 100 млн рабочих мест в ЭПЗ, в течение этого квартала.

² Дополнительную информацию об использовании эквивалента полной занятости в этих оценках см. в Техническом приложении 1. Все оценки в эквиваленте полной занятости делаются с учетом 48-часовой рабочей недели.

► Рисунок 3. Потери рабочего времени в мире, по регионам и уровню доходов; первый, второй и третий кварталы 2020 г. (в процентах)

Источник: Модель краткосрочного прогнозирования МОТ (см. Техническое приложение 1).

Вставка 1. Почему предполагаемый объем потерь рабочего времени был пересмотрен в сторону увеличения?

С момента публикации второго выпуска *Вестника МОТ* (от 7 апреля 2020 г.) в нем регулярно приводятся оценки потерь рабочего времени за первый и второй кварталы 2020 г. относительно последнего докризисного квартала (т. е. четвертого квартала 2019 г.). В настоящем выпуске впервые приводится оценка потерь за третий квартал. Кроме того, здесь представлены обновленные прогнозы на основе сценариев на четвертый квартал 2020 г. Начиная с пятого выпуска *Вестника МОТ* от 30 июня 2020 г., в модель краткосрочного прогнозирования МОТ были интегрированы новые данные национальных обследований рабочей силы и экономические данные, охватывающие первый и второй кварталы 2020 г. (подробнее см. в Технических приложениях 1 и 2). Эти новые данные свидетельствуют о дальнейшем ухудшении условий на рынке труда, что отражается в объеме потерь рабочего времени, превышающем первоначальные оценки.

Одна из основных причин пересмотра потерь рабочего времени в сторону увеличения заключается в том, что **работники в развивающихся странах и странах с формирующейся рыночной экономикой, особенно занятые неформально, пострадали в гораздо большей степени**, чем во время прошлых кризисов.^a В ряде этих стран, по которым стали доступны новые данные, потери рабочего времени значительно выше, чем в наиболее пострадавших странах с развитой экономикой. В развивающихся странах сильнее ограничены возможности удаленной работы,^b кризис серьезнее влияет на неформальных работников, менее значителен объем занятости в государственном секторе и острее ощущаются ограничения, обусловленные нехваткой ресурсов для реализации мер борьбы с COVID-19 (см. Часть II. «Влияние политических мер и пробелы» ниже). По-видимому, все эти факторы усугубляют последствия экономического спада, создавая тем самым новые проблемы на рынке труда.

^a Существуют свидетельства того, что в прошлом неформальная занятость росла во время экономических кризисов вследствие сокращения возможностей в формальной экономике. См., например, Johannes Jütting and Juan Ramón de Laiglesia (ред.), *Is Informal Normal? Towards More and Better Jobs in Developing Countries* (ОЭСР, 2009).

^b См. МОТ, *Working from Home: Estimating the Worldwide Potential*, 2020; и Mariya Brussevich, Era Dabla-Norris and Salma Khalid, *“Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies? Evidence from Tele-workability Measures across Countries”*, Рабочий документ МВФ №. 20/88, 2020.

► **Таблица 1. Потери рабочего времени в мире, по регионам и субрегионам; первый, второй и третий кварталы 2020 г.**
(в процентном выражении и эквиваленте полной занятости)

Область применения	Процент потерь рабочего времени (%)			Разница относительно оценок, представленных в пятом выпуске Вестника МОТ от 30 июня 2020 г. (п.п.)			Эквивалентное количество потерянных рабочих мест с полной занятостью (48 ч./нед.) (млн)			Разница относительно оценок, представленных в пятом выпуске Вестника МОТ от 30 июня 2020 г. (млн)		
	2020			2020			2020			2020		
	I кв.	II кв.	III кв.	I кв.	II кв.	III кв.	I кв.	II кв.	III кв.	I кв.	II кв.	III кв.
Весь мир	5,6	17,3	12,1	0,2	3,3	н.п.	160	495	345	5	95	н.п.
Африка	1,9	15,6	11,5	-0,5	3,5	н.п.	7	60	43	-2	15	н.п.
Северная Африка	2,1	21,2	12,9	-0,4	5,7	н.п.	1	13	8	-1	4	н.п.
Африка к югу от Сахары	1,9	14,5	11,3	-0,5	3,1	н.п.	6	45	35	-1	10	н.п.
Центральная Африка	1,8	14,7	11,9	-0,5	2,8	н.п.	1	7	6	0	1	н.п.
Восточная Африка	2,0	14,0	11,8	-0,4	3,1	н.п.	3	19	16	0	4	н.п.
Южная Африка	0,5	20,3	14,2	-1,1	8,1	н.п.	0	4	2	0	2	н.п.
Западная Африка	2,1	13,9	9,9	-0,4	2,3	н.п.	2	15	11	-1	2	н.п.
Северная и Южная Америка	3,0	28,0	19,8	0,0	9,7	н.п.	11	105	75	0	35	н.п.
Латинская Америка и Карибский бассейн	3,7	33,5	25,6	0,1	13,5	н.п.	9	80	60	0	33	н.п.
Центральная Америка	0,8	35,8	29,9	-0,3	16,6	н.п.	1	24	20	0	11	н.п.
Южная Америка	5,0	33,5	24,9	0,2	12,9	н.п.	8	50	39	1	18	н.п.
Северная Америка	1,8	18,4	9,6	0,0	3,1	н.п.	2	25	13	0	4	н.п.
Арабские государства	2,3	16,9	12,4	-0,8	3,7	н.п.	1	10	8	-1	2	н.п.
Азиатско-Тихоокеанский регион	7,3	15,2	10,7	0,2	1,7	н.п.	125	265	185	0	30	н.п.
Восточная Азия	12,0	5,5	4,9	0,4	-4,9	н.п.	100	45	40	5	-40	н.п.
Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион	3,3	16,7	10,7	1,2	4,1	н.п.	10	49	31	4	12	н.п.
Юго-Восточная Азия	3,4	17,1	10,9	1,3	4,4	н.п.	9	48	30	3	13	н.п.
Южная Азия	3,1	27,3	18,2	-0,3	9,4	н.п.	19	170	115	-2	60	н.п.
Европа и Центральная Азия	4,1	17,5	11,6	0,7	3,6	н.п.	13	55	38	2	10	н.п.
Северная, Южная и Западная Европа	4,5	18,1	11,4	0,3	2,4	н.п.	7	28	18	1	4	н.п.
Северная Европа	1,1	16,6	10,8	-2,0	1,3	н.п.	0	6	4	-1	0	н.п.
Южная Европа	6,1	23,9	17,1	0,8	5,9	н.п.	3	12	8	0	3	н.п.
Западная Европа	5,4	14,8	7,7	1,4	0,5	н.п.	4	10	5	1	0	н.п.
Восточная Европа	3,1	13,6	7,8	0,5	2,0	н.п.	3	15	8	0	3	н.п.
Центральная и Западная Азия	4,8	23,3	18,5	2,1	9,7	н.п.	3	14	11	1	6	н.п.

н.п. = не применимо; п.п. = процентные пункты

Примечание: Значения эквивалента полной занятости (ЭПЗ) свыше 50 миллионов округляются до ближайших 5 миллионов, значения ниже этого порога округляются до ближайшего миллиона. Сокращение занятости представлено в эквиваленте полного рабочего времени для иллюстрации оцениваемого масштаба потерь. Значения ЭПЗ рассчитываются исходя из предположения, что сокращение рабочего времени касалось исключительно выборки работников, занятых полный рабочий день, а остальные работники не испытали бы никаких последствий с точки зрения сокращения отработанных часов. Представленные в этой таблице цифры не следует интерпретировать как количество фактически потерянных рабочих мест или рост уровня безработицы.

Источник: Модель краткосрочного прогнозирования МОТ (см. Техническое приложение 1).

Второй квартал 2020 г.

Поскольку влияние кризиса оказалось намного сильнее, чем предполагалось ранее, особенно в развивающихся странах, **предполагаемое сокращение общемирового объема рабочего времени во втором квартале 2020 г. по сравнению с четвертым кварталом 2019 г. было дополнительно пересмотрено в сторону увеличения до уровня 17,3 % (по сравнению с предыдущей оценкой в 14,0 %), что эквивалентно полному рабочему времени 495 млн работников.** Больше всего пострадали страны с уровнем дохода ниже среднего, где произошло сокращение на 23,3 % (и был выполнен самый значительный пересмотр в сторону повышения среди всех групп стран по уровню доходов — на 7,2 процентных пункта выше предыдущей оценки в 16,1 %).

Во втором квартале 2020 г. в **Северной и Южной Америке** объем рабочего времени сократился на 28,0 %, или 105 млн рабочих мест в ЭПЗ, по сравнению с предыдущей оценкой в 18,3 %. Это самые значительные потери рабочего времени среди основных географических регионов, а также самый масштабный пересмотр в сторону повышения с момента выхода пятого выпуска *Вестника МОТ*. Внутри региона самые высокие потери рабочего времени во втором квартале понесли Южная Америка и Центральная Америка — 33,5 и 35,8 % соответственно. При этом в Северной Америке, включая Канаду и США, произошло меньшее, но все же существенное сокращение объема рабочего времени на 18,4 %.

В **Европе и Центральной Азии** количество отработанных часов, согласно оценкам, сократилось во втором квартале на 17,5 % или 55 млн рабочих мест в ЭПЗ по сравнению с приведенной в предыдущем выпуске *Вестника МОТ* оценкой в размере 13,9 %. По оценкам, наибольшие потери в этом регионе несет Южная Европа (23,9 %), за которой следуют Центральная и Западная Азия (23,3 %), Северная Европа (16,6 %), Западная Европа (14,8 %) и Восточная Европа (13,6 %).³

В **Азиатско-Тихоокеанском** регионе общие потери рабочего времени во втором квартале 2020 г. оцениваются в 15,2 %, или 265 млн рабочих мест в ЭПЗ по сравнению с предыдущей оценкой в 13,5 %. Что касается

субрегионов, то самые значительные предполагаемые потери рабочего времени произошли в Южной Азии (сокращение на 27,3 % во втором квартале);⁴ за ней следует Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион (16,7 %), а также Восточная Азия (5,5 %). Ситуация в сфере здравоохранения и строгие меры контроля в Южной Азии привели к серьезной дестабилизации рынка труда. Напротив, в Восточной Азии распространение пандемии было быстро взято под контроль, благодаря чему потери во втором квартале оказались относительно невелики. Отражая противоположные тенденции, предполагаемые потери рабочего времени были пересмотрены на 9,4 процентных пункта в сторону увеличения для Южной Азии и на 4,9 процентных пункта в сторону уменьшения для Восточной Азии. Рабочее время во втором квартале 2020 г. в **арабских государствах**, по оценкам, сократилось на 16,9 %, что эквивалентно полному рабочему времени 10 млн работников; произошла коррекция в сторону увеличения на 3,7 процентных пункта.

В **Африке** общие потери рабочего времени во втором квартале текущего года оцениваются в 15,6 %, или 60 млн рабочих мест в ЭПЗ по сравнению с предыдущей оценкой в 12,1 %. Что касается субрегионов,⁶ новые оценки потерь рабочего времени во втором квартале указывают на самое резкое сокращение в Северной Африке (21,2 %), за которой следуют Южная Африка (20,3 %), Центральная Африка (14,7 %), Восточная Африка (14,0 %) и Западная Африка (13,9 %).

Третий квартал 2020 г.

В настоящем выпуске *Вестника МОТ* впервые представлены оценки потерь рабочего времени за третий квартал 2020 г., основанные на модели краткосрочного прогнозирования.⁷ Они указывают на сокращение **общемирового объема рабочего времени на 12,1 % в третьем квартале 2020 г., что эквивалентно полному рабочему времени 345 млн работников**, по сравнению с докризисным базовым уровнем (четвертый квартал 2019 г.). Хотя эта цифра представляет собой улучшение по сравнению с общемировыми потерями рабочего времени в размере 17,3 % во втором квартале, она по-прежнему говорит о значительном снижении и позволяет предположить, что полному восстановлению рабочих мест все еще препятствуют сохраняющиеся проблемы в сфере здравоохранения и экономики вследствие кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

³ Данные обследований рабочей силы (ОРС) теперь доступны для многих других стран в регионе, благодаря чему с момента публикации пятого выпуска *Вестника МОТ* степень неопределенности оценок значительно снизилась. Бельгия, Португалия и Турция входят в число стран, для которых включение собранных во втором квартале данных ОРС привело к значительно увеличению предполагаемых потерь рабочего времени. Напротив, новые данные ОРС для таких стран, как Франция, Испания и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии позволяют предположить, что масштабы потерь рабочего времени аналогичны предыдущим оценкам.

⁴ Доступность данных по Южной Азии ограничена; следовательно, вышеприведенная оценка является менее точной, чем в случае других субрегионов.

⁵ В то время как в большинстве регионов и субрегионов объем предполагаемых потерь рабочего времени был пересмотрен в сторону увеличения, новые оценки для Восточной Азии и в частности Китая и Японии отражают существенное улучшение ситуации по сравнению с предыдущим выпуском *Вестника МОТ*. Однако основания для новых оценок в случае двух вышеупомянутых стран Восточной Азии заметно различаются: оценка для Японии основана на полных данных ОРС за второй квартал, в то время как модель краткосрочного прогнозирования МОТ для Китая опирается на ряд высокочастотных показателей экономической активности.

⁶ Доступность данных по Африке ограничена; следовательно, оценки для региона в целом и для его субрегионов являются менее точными, чем в случае других регионов и субрегионов.

⁷ Доступность данных за третий квартал пока ограничена, и на момент сбора данных прошел только один месяц из трех. Следовательно, неопределенность, связанная с оценками за третий квартал, существенно превышает таковую за первые два квартала.

Сравнение регионов показывает, что, как ожидается, **Северная и Южная Америка останется наиболее пострадавшим регионом** в третьем квартале (сокращение рабочего времени на 19,8 %). Потери рабочего времени в арабских государствах оцениваются в 12,4 %, за ними следуют Европа и Центральная Азия (11,6 %), Африка (11,5 %) и Азиатско-Тихоокеанский регион (10,7 %). Что касается групп по уровню доходов, то в странах с доходом ниже среднего ожидается самый высокий уровень потерь рабочего времени — 15,6 %, что соответствует ситуации во втором квартале. Ожидается, что в странах с низкими доходами произойдет снижение на 11,0 %. Согласно прогнозам, страны с доходом выше среднего и с высоким доходом понесут наименьшие потери, а именно 10,4 и 9,4 % соответственно.

Прогнозы на четвертый квартал 2020 г.

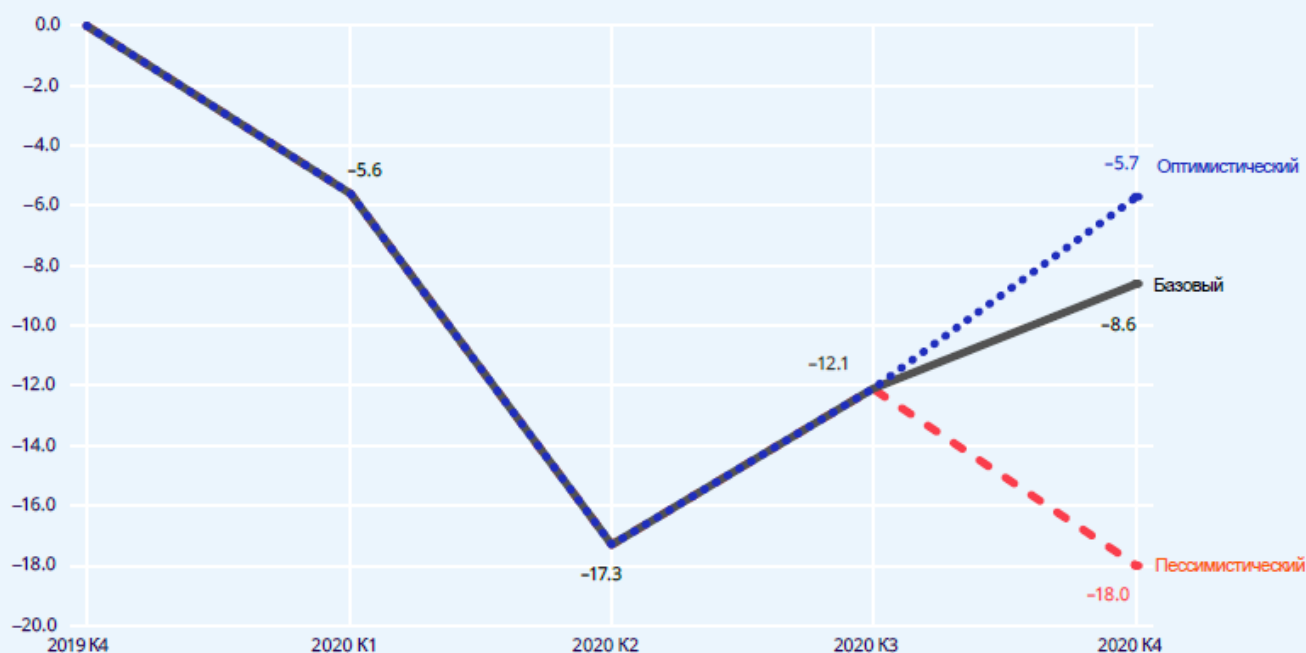
В свете стремительно меняющейся в последние месяцы ситуации прогнозы на четвертый квартал были обновлены. Как и в пятом выпуске *Вестника МОТ*, здесь представлены три сценария:

(а) базовый сценарий, в котором используются последние прогнозы роста валового внутреннего продукта (ВВП); (б) оптимистический сценарий, в котором предполагается, что объем рабочего времени будет восстанавливаться более быстрыми темпами, чем рост ВВП; и (с) пессимистический сценарий, который предполагает новую волну строгих мер по закрытию рабочих мест.

Согласно новым прогнозам, потери рабочего времени в четвертом квартале превысят предыдущие оценки.⁸ Базовый сценарий предполагает, что **общемировые потери рабочего времени составят 8,6 % в четвертом квартале 2020 г., что эквивалентно 245 млн рабочих мест в ЭПЗ** (см. Рисунок 4, статистическое приложение, Таблицу А1 и Техническое приложение 2). Здесь отражена значительная коррекция предыдущей оценки в 4,9 %, представленной в пятом выпуске *Вестника МОТ*, в сторону увеличения.

Значительные различия между регионами, вероятно, сохранятся. Согласно **базовому сценарию, предполагаемые потери рабочего времени составят**

► **Рисунок 4. Оценки потерь рабочего времени за первые три квартала и прогнозы на четвертый квартал 2020 г., весь мир (в процентах)**

Примечание: Дополнительную информацию о сценариях, использованных для получения прогнозов на четвертый квартал, см. в Техническом приложении 2.

⁸ Для пересмотра в сторону увеличения есть много причин. Во-первых, предполагаемые потери рабочего времени во втором квартале были значительно пересмотрены в сторону увеличения — это означает, что возвращать утраченные позиции станет еще сложнее. Во-вторых, в пятом выпуске *Вестника МОТ* был представлен базовый сценарий, согласно которому влияние пандемии на экономическую активность во второй половине года должно было быть намного более ограниченным. С момента выхода этого выпуска 30 июня уровень заболеваемости в мире достиг новой отметки, и очевидно, что из-за пандемии по-прежнему невозможно полноценное восстановление экономики и рынка труда — даже в тех странах, где уровень заболеваемости удалось взять под относительный контроль. В последних прогнозах учитывается ограничение спроса, вызванное продолжающейся пандемией, но тем не менее предполагается, что обязательного закрытия всех рабочих мест, кроме жизненно важных, на территории всей страны можно избежать.

14,9 % в четвертом квартале в Северной и Южной Америке, в то время как потери в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут сократиться до 7,3 %. Во всех регионах продолжительность рабочего времени останется намного ниже уровней, наблюдавшихся в четвертом квартале 2019 г., что указывает на вероятное сохранение серьезного кризиса в сфере занятости и в 2021 г.

Согласно **пессимистическому сценарию**, общемировые потери рабочего времени в четвертом квартале 2020 г. достигнут 18,0 %, что эквивалентно полному рабочему времени 515 млн работников. При **оптимистическом сценарии** потери рабочего времени в четвертом квартале, тем не менее, составят 5,7 %, или 160 млн рабочих мест в ЭПЗ.

Бездействие растет быстрее, чем безработица: данные последних обследований рабочей силы

На практике потери рабочего времени включают в себя несколько составляющих: сокращенную продолжительность рабочего дня, занятость при отсутствии работы, безработицу и бездействие. Удельный вес этих составляющих существенно различается в разных странах; на долю безработицы часто приходится лишь небольшая часть потерь рабочего времени. Результаты последних обследований рабочей силы дают новые важные сведения.⁹

Во-первых, новые данные показывают **значительное сокращение занятости во втором квартале 2020 г. по сравнению с предыдущим годом, хотя различия между странами являются значительными** (см. Рисунок 5а). Как уже отмечалось в пятом выпуске *Вестника МОТ*, **сокращение занятости затрагивает женщин в большей степени, чем мужчин, во всех странах**, хотя существуют и исключения (например, Франция, Израиль и Мексика).

Во-вторых, простая декомпозиция¹⁰ показывает, что **снижение занятости во втором квартале 2020 г. в большей степени сопровождается**

ростом неактивности, а не безработицы во всех странах, кроме Канады и США (см. Рисунок 5b).¹¹ Иными словами, снижение уровня занятости в большинстве стран привело к значительному росту бездействия и при этом в меньшей степени изменило уровень безработицы. Изменения, которые испытали на себе мужчины и женщины, во многом схожи.¹² В целом данные подтверждают, что **концентрация внимания только на изменениях в уровне безработицы может привести к неверным выводам**.

Растущее бездействие ведет к ряду важных практических выводов. Как показывает опыт предыдущих кризисов, активировать бездействующих людей даже труднее, чем повторно трудоустроить безработных — поэтому более высокий уровень бездействия, вероятно, затруднит восстановление занятости. Более того, **молодые и пожилые люди особенно сильно пострадали из-за кризиса, вызванного пандемией COVID-19**: поскольку эти две группы обычно подвергаются повышенному риску стать неактивными, есть опасность того, что они столкнутся с долгосрочными препятствиями на рынке труда.¹³

Потери трудовых доходов

Потеря рабочего времени оборачивается для работников по всему миру значительной потерей дохода. Чтобы лучше понять эту взаимосвязь, в настоящем выпуске *Вестника МОТ* приводится оценка потерь трудового дохода в результате потерь рабочего времени без учета мер поддержки доходов.

По оценкам, суммарный мировой доход от трудовой деятельности (включающий в себя заработную плату наемных работников и часть дохода самозанятых¹⁴) **в течение первых трех кварталов 2020 г. снизился на 10,7 % по сравнению с соответствующим периодом 2019 г.** (см. Рисунок 6 и Техническое приложение 3). Согласно оценкам, потери трудовых доходов достигают 15,1 % в странах с уровнем дохода ниже среднего, 11,4 % в странах с уровнем дохода выше среднего и

⁹ По состоянию на 13 сентября 2020 г. в базе данных ILOSTAT имелись данные за второй квартал по следующим странам: Австралия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Кипр, Эквадор, Франция, Израиль, Япония, Мексика, Перу, Португалия, Республика Корея, Республика Молдова, Испания, Швейцария, Таиланд, Соединенные Штаты Америки и Вьетнам.

¹⁰ Изменение занятости можно разбить на изменения в безработице и неактивности, используя следующую декомпозицию: Население трудоспособного возраста = Занятые + Безработные + Неактивные, что может быть преобразовано в: $-\Delta\left(\frac{E}{WAP}\right)_t = \Delta\left(\frac{U}{WAP}\right)_t + \Delta\left(\frac{I}{WAP}\right)_t$, где Δ обозначает изменение со второго квартала 2019 года по второй квартал 2020 года, WAP = население трудоспособного возраста, E = Занятые, U = Безработные и I = Неактивные. Определение безработицы и бездействия см. в базе [ILOSTAT](#).

¹¹ Следует также отметить, что во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, стало сложнее различать безработных и неактивных из-за налагаемых ограничений, которые сокращают способность людей искать работу, что является одним из необходимых критериев для получения статуса безработного (в отличие от разочарованного работника — такие люди считаются неактивными).

¹² По мере того, как в ближайшие месяцы будет доступно больше данных обследований рабочей силы, потребуется дальнейший анализ для выявления тенденций и различий между секторами и группами.

¹³ Анализ влияния кризиса на молодежь см.: МОТ, [ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work – Fourth Edition](#), 27 мая 2020 г.; и МОТ, [Preventing Exclusion from the Labour Market: Tackling the COVID-19 Youth Employment Crisis](#), 27 мая 2020 г. Анализ влияния мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. на пожилых работников см. (для стран ОЭСР): Brian Keeley and Patrick Love, [From Crisis to Recovery: The Causes, Course and Consequences of the Great Recession](#) (ОЭСР, 2010); и (для стран ЕС): Nicola Duell, Lena Thureau and Tim Vetter, [Long-term Unemployment in the EU: Trends and Policies](#) (Bertelsmann-Stiftung, 2016).

¹⁴ Доходы от экономической деятельности самозанятых включают как трудовой доход, так и подразумеваемый доход от капитала (материального и нематериального). При сокращении рабочего времени обе составляющие дохода снижаются одновременно. Представленные здесь оценки учитывают только составляющую трудовых доходов.

Рисунок 5а. Снижение занятости со II кв. 2019 г. по II кв. 2020 г. в разбивке по полу, отдельные страны (в процентах)

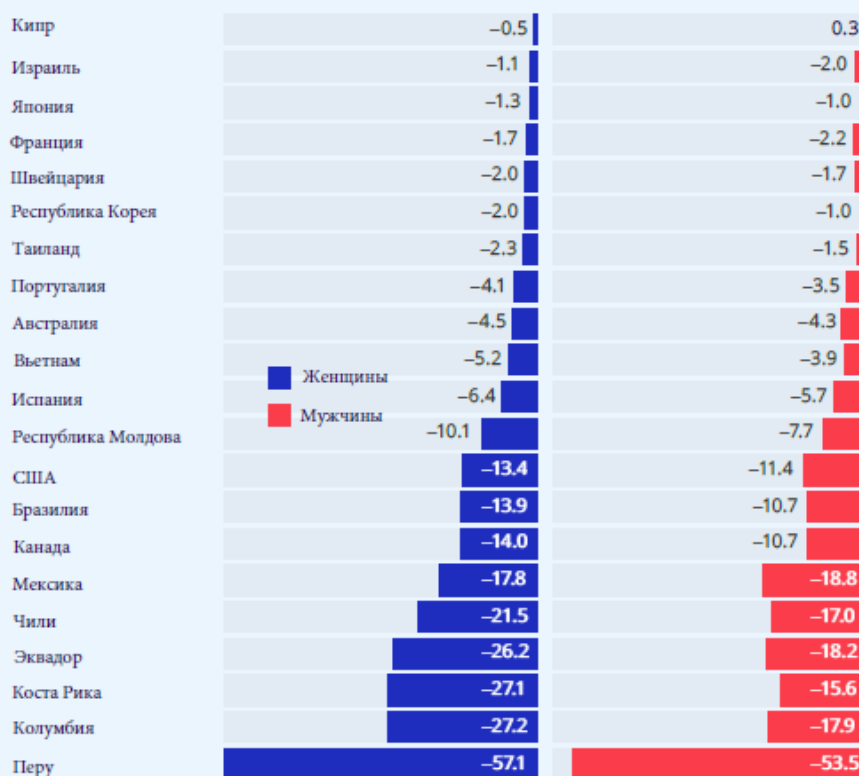
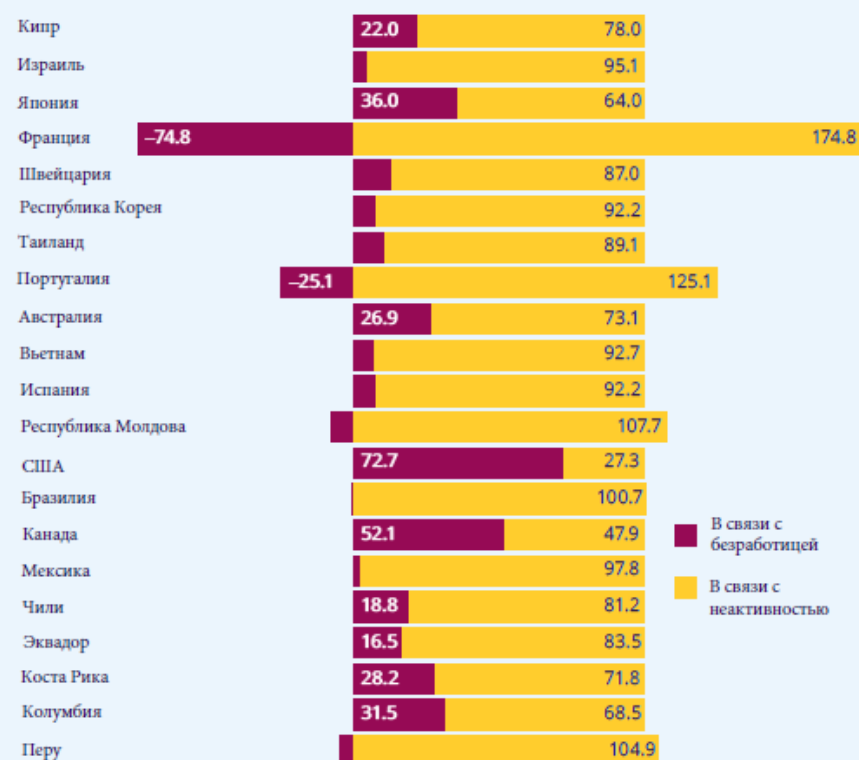

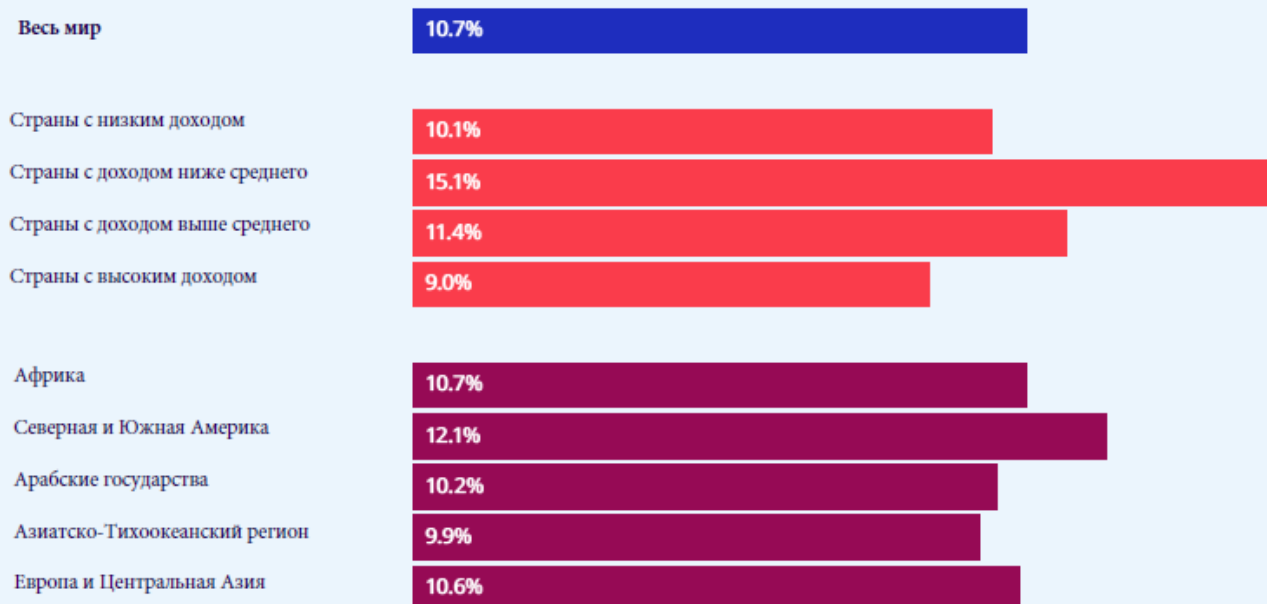
Рисунок 5б. Доля роста безработицы и бездействия в совокупном сокращении занятости со II кв. 2019 г. по II кв. 2020 г. (в процентах)

Примечание: В результате декомпозиции доли на Рис. 5б в сумме составляют 100%. Отрицательное значение указывает на то, что показатель снизился между вторым кварталом 2019 г. и вторым кварталом 2020 г., то есть уровень безработицы снизился в Бразилии, Франции, Перу, Португалии и Республике Молдова.

Источник: Данные национальных обследований рабочей силы в базе данных ILOSTAT по состоянию на 13 сентября 2020 г.

► **Рисунок 6. Доля потерянного трудового дохода из-за потерь рабочего времени в течение первых трех кварталов 2020 г. (без учета мер поддержки доходов), в мире и с разбивкой по регионам и уровню доходов (в процентах)**

Примечание: Трудовые доходы агрегированы с использованием обменных курсов по паритету покупательной способности. Более подробные данные с разбивкой по регионам и субрегионам доступны в Статистическом приложении, Таблица A2.

10,1 % в странах с низкими доходами.¹⁵ Напротив, работники в странах с высоким уровнем дохода теряют 9,0 % трудовых доходов. Более того, падение доходов в этих странах чаще компенсируется схемами замещения доходов. Сравнение географических регионов показывает, что потери доходов наиболее высоки в Северной и Южной Америке, за которой следует Африка.

Суммарные **мировые потери трудовых доходов за первые три квартала 2020 г. составляют 3,5 триллиона долл. США** (по курсу валютного рынка 2019 г.), что эквивалентно 5,5 % мирового ВВП за первые три квартала 2019 г.¹⁶ Если эти значительные потери не компенсируются другими источниками дохода, например, выплатами по линии социальной защиты, они могут повергнуть домохозяйства в нищету и привести к сокращению совокупного спроса. По мере истощения сбережений домохозяйств и прекращения действия пакетов мер стимулирования падение совокупного спроса может усилиться,

что приведет к дальнейшему сокращению доходов и еще больше затруднит восстановление занятости.

За совокупными данными о потерях трудовых доходов скрываются значительные различия между работниками. Официально занятые работники с наибольшей вероятностью получают помощь в виде пособий по социальному обеспечению или других мер государственного сектора, которые смягчат удар потери трудового дохода. Следовательно, чистые потери дохода для этой группы будут ниже. Напротив, 60 % работников в мире, которые заняты неформально и потому вряд ли могут претендовать на социальную защиту, особенно уязвимы перед лицом бедности и потери доходов во время вызванного пандемией COVID-19 кризиса, что подчеркивалось в третьем выпуске *Вестника МОТ*. Также следует заметить, что, поскольку оценки не учитывают доход от капитала для самозанятых,¹⁷ фактические потери дохода для 1,4 млрд работающих за собственный счет и неоплачиваемых работников семейных предприятий во всем мире будут выше предполагаемых.

¹⁵ Поскольку более бедные страны сильнее пострадали от кризиса, взвешенные по ВВП оценки, показанные на Рисунок 6, преуменьшают потерю трудовых доходов работников на глобальном уровне. Во всех странах за первые три квартала 2020 г. работники потеряли в среднем 11,8 % трудовых доходов.

¹⁶ Последние данные свидетельствуют о гораздо больших потерях, чем оценочные значения, представленные в первом выпуске *Вестника МОТ* (опубликован 18 марта 2020 г.), в котором предполагались потери в размере от 860 до 3 440 млрд долл. США за весь 2020 г.

¹⁷ Это допущение было сделано специально, чтобы правильно оценить долю трудовых доходов. См. МОТ, *The Global Labour Income Share and Distribution* (МОТ, 2019).

► Часть II. Влияние политических мер и пробелы

Эффективность налогово-бюджетных мер для снижения дестабилизации рынка труда

В ответ на массовую дестабилизацию рынка труда правительства приняли ряд налогово-бюджетных мер ¹⁸ беспрецедентного масштаба, в особенности в странах с высоким уровнем дохода. Для оценки первичного воздействия этих политических мер в настоящем выпуске *Вестника МОТ* рассматривается **степень, в которой фискальная политика помогла смягчить потери рабочего времени во втором квартале 2020 г.** в странах, по которым имеются данные.

Основные каналы, с помощью которых экспансионистская фискальная политика может смягчить потери, вызванные ситуацией в сфере здравоохранения и связанными с ней ограничительными мерами, включают:

- **Смягчение последствий снижения потребления:** Поддержка доходов (для работников, в том числе находящихся в отпуске без сохранения заработной платы, безработных и домохозяйств) может предотвратить дефицит спроса в секторах, которым разрешено продолжать деятельность, или в закрытых секторах после их повторного открытия.
- **Предотвращение закрытия предприятий:** Предоставление предприятиям субсидий и других стимулов может предотвратить их закрытие.
- **Смягчение последствий снижения инвестиций:** Как эффекты, индуцированные частным и государственным потреблением, так и прямая поддержка предприятий могут стимулировать инвестиции, которые в противном случае бы не состоялись.
- **Повышение экономической активности за счет прямых государственных расходов:** Сюда входят прямые расходы на социальное обслуживание населения, включая здравоохранение и социальную помощь.

Среди стран, по которым имеется достаточно данных, **прослеживается очевидная взаимосвязь: чем больше масштабы налогово-бюджетных мер (в процентах от ВВП), тем меньше потери рабочего времени во втором квартале 2020 г.** (см. Рисунок 7). Для определения устойчивости этой взаимосвязи используется множественная регрессия, позволяющая учитывать ряд факторов, таких как меры в сфере здравоохранения и структуры рынка труда (подробнее см. в Техническом приложении 4)¹⁹. Эти оценки показывают, что, в среднем, **увеличение бюджетных стимулов на 1 % годового ВВП могло бы привести к сокращению потерь рабочего времени на 0,8 процентных пункта во втором квартале 2020 г.** Для наглядности можно сказать, что без реализации каких-либо налогово-бюджетных мер предполагаемые потери рабочего времени в среднем составили бы 28 %.²⁰ Это также позволяет предположить, что сравнительно небольшой масштаб программ стимулирования в странах с низким и средним уровнем дохода (см. далее) может по крайней мере частично объяснить значительные оценочные потери рабочего времени в этих странах.

Кроме того, **совокупное воздействие фискальной политики на экономическую активность, вероятно, будет больше в долгосрочной перспективе, чем проанализированное здесь краткосрочное влияние** (за второй квартал 2020 г.). Эмпирические данные показывают, что фискальная политика содержит важную динамическую составляющую, выходящую за рамки того непосредственного воздействия, которое она оказывает на экономическую активность и которое не учитывается в настоящем исследовании.²¹

Глобальный дисбаланс в налогово-бюджетном стимулировании: исследование «разрыва в стимулах»

Несмотря на то, что экспансионистская фискальная политика сыграла важную роль в обеспечении экономической активности и предотвращение дальнейших потерь рабочего времени, основной объем общемировых налогово-бюджетных мер был сосредоточен в странах с высоким уровнем дохода, как уже отмечалось в пятом выпуске *Вестника МОТ*.

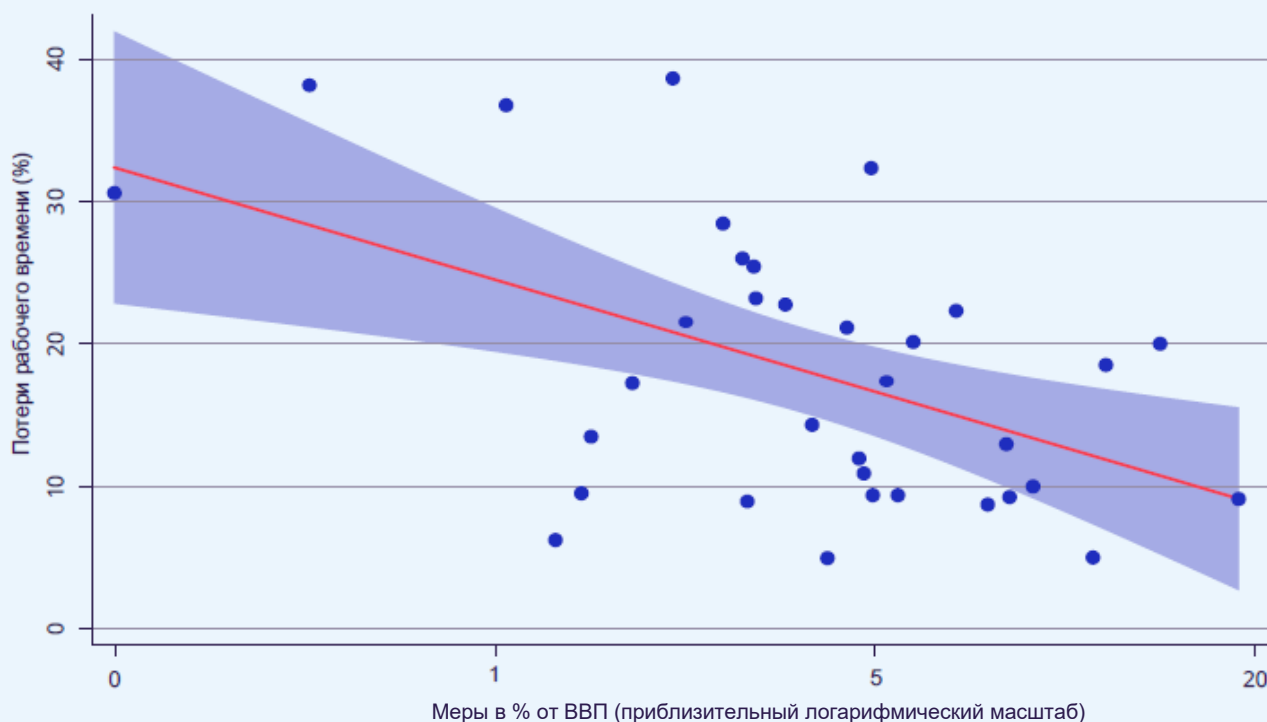
¹⁹ Следует отметить, что этот анализ не позволяет сделать вывод о наличии причинно-следственной связи между налогово-бюджетными мерами и экономической активностью, поскольку при оценке сделан целый ряд допущений. Тем не менее, представленные здесь оценки позволяют сделать важные выводы о влиянии налогово-бюджетных мер и связанной с ними политики в будущем.

²⁰ И наоборот, оценочные потери рабочего времени в среднестатистической стране составили бы 12 %, если бы она реализовала самую масштабную программу стимулирования в выборке. По оценкам, фискальная политика уже помогла сократить потери рабочего времени во втором квартале (как показывают расчеты, удалось избежать почти 60 % потерь). Более того, ожидается, что общее воздействие текущих пакетов стимулов и возможных следующих этапов будет значительно больше, чем непосредственный эффект, зарегистрированный во втором квартале 2020 г.

²¹ Хорошо известно, что фискальная политика может одновременно влиять на экономическую активность и производительность. Тем не менее, большая часть кумулятивного воздействия фискальной политики, ведущего к переменам, происходит не сразу после ее реализации (например, в течение одного квартала), а в перспективе, охватывающей несколько лет. См., например: Christina D. Romer and David H. Romer. "The Macroeconomic Effects of Tax Changes: Estimates Based on a New Measure of Fiscal Shocks", *American Economic Review* 100, No. 3 (2010), 763–801; Olivier Blanchard and Roberto Perotti, "An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output", *The Quarterly Journal of Economics* 117, No. 4 (2002), 1329–1368.

¹⁸ В данном контексте программы бюджетного стимулирования определяются как дополнительные государственные расходы, социальные выплаты или неполученные поступления (снижение налогов). Получателями таких выплат и налоговых льгот являются домохозяйства, работники и предприятия.

► Рисунок 7. Взаимосвязь между налогово-бюджетными мерами (% от ВВП) и потерями рабочего времени (%) во втором квартале 2020 г., отдельные страны

Примечание: На рисунке показана взаимосвязь между потерями рабочего времени (%) и налогово-бюджетными мерами (процент от ВВП в логарифмическом масштабе) в 34 странах, по которым имеются необходимые данные. Наблюдения на уровне стран показаны черными точками. Красная линия представляет собой линейной приближение (средние потери рабочего времени как линейная функция от налогово-бюджетных мер). Наконец, заштрихованная серая область указывает 95-процентный доверительный интервал линейного приближения. См. Техническое приложение 4 для получения дополнительной информации о выполненной множественной регрессии.

Возможности бюджетных маневров в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, особенно в странах с низким уровнем дохода, по-прежнему ограничены. Этот дисбаланс между странами становится еще более разительным при сравнении объема налогово-бюджетных мер с масштабами дестабилизации рынка труда.

Согласно последним данным базы Oxford COVID-19 Government Response Tracker (по состоянию на 2 сентября 2020 г.), общемировая стоимость объявленных пакетов налогово-бюджетных мер составляет около 9,6 трлн долл. США, или примерно 11 % мирового ВВП за 2019 г. Если рассмотреть меры, связанные с государственными расходами и налоговыми льготами (так называемые меры «над чертой»), которые имеют самое непосредственное влияние на экономическую активность, то объем стимулов будет оцениваться примерно в 7,08 трлн долл. США.²²

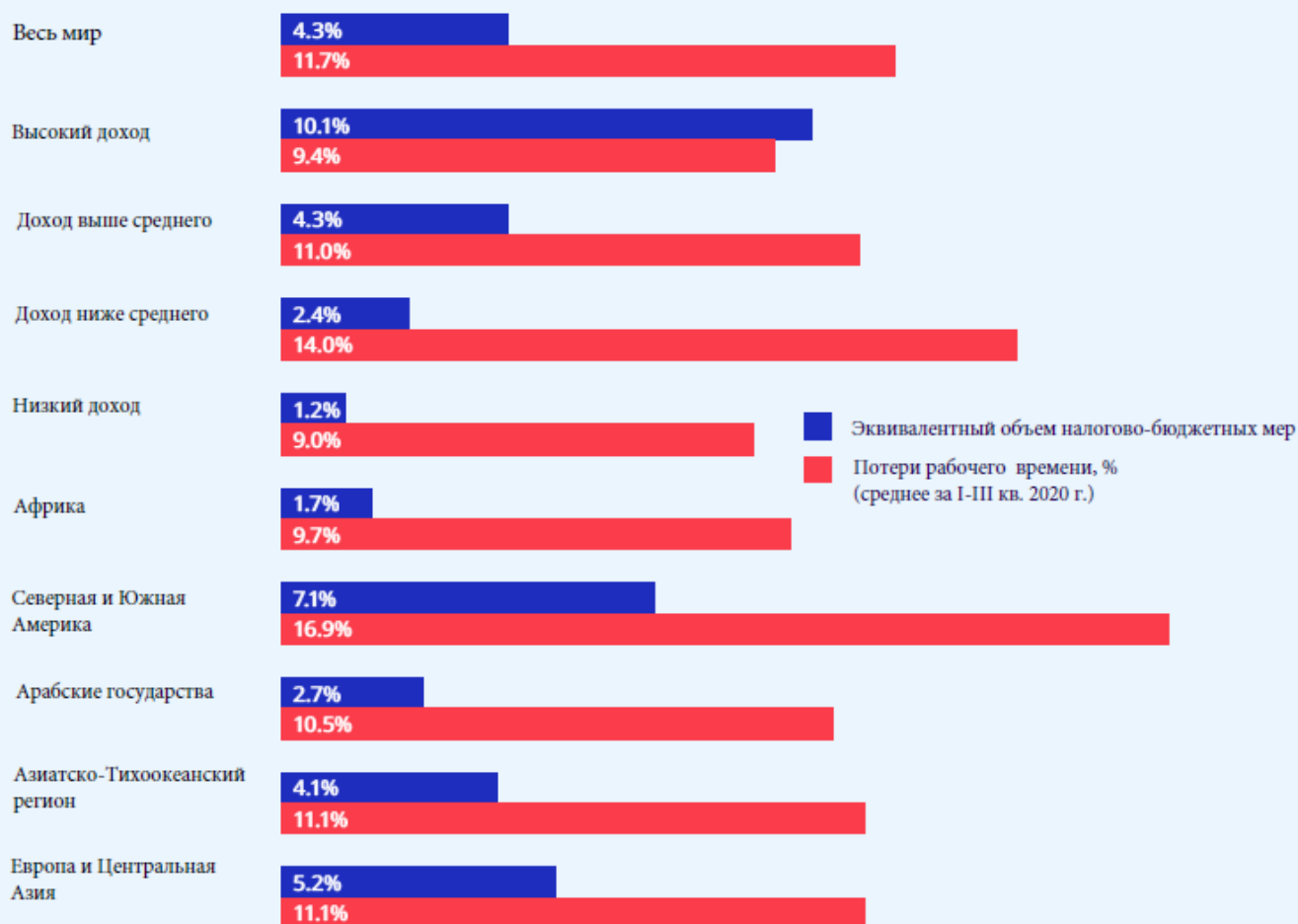
Нашей целью является непосредственное сравнение объема налогово-бюджетных мер и ущерба для рынка труда вследствие COVID-19. Один из возможных методов — преобразование стоимости мер стимулирования в долларовом выражении в рабочие места в ЭПЗ с помощью производительности труда следующим образом:

- Сначала налогово-бюджетные меры делятся на объем производства на одного работника (в долл. США 2019 г.) на страновом уровне, что позволяет оценить количество занятых, эквивалентное (с точки зрения объема производства) уровню мер налогово-бюджетного стимулирования. Эта оценка была выполнена для 169 стран, на которые приходилось более 99 % мировой занятости в 2019 г.
- Затем производные показатели занятости корректируются с использованием оценок рабочего времени по странам и конвертируются в рабочие места в ЭПЗ (при условии 48-часовой рабочей недели). Это позволяет напрямую сравнить объем помощи в ЭПЗ со средними потерями рабочих мест в ЭПЗ в течение первых трех кварталов 2020 г.

Для лучшей сопоставимости по регионам результаты представлены в процентном выражении (потери рабочего времени в процентах от общего количества отработанных часов в четвертом квартале 2019 г. и эквивалентный объем налогово-бюджетных мер). Результаты показывают, что объем общемировых налогово-бюджетных мер эквивалентен 4,3 % от общего количества рабочих часов в 2019 г. Для сравнения, средние общемировые потери рабочего времени за первые три квартала 2020 г.

²² См. МВФ, *Fiscal Monitor: Policies to Support People during the COVID-19 Pandemic*, апрель 2020 г., вставка 1.1

Рисунок 8. Потери рабочего времени (% от общего числа, в среднем за первые три квартала 2020 г.) и эквивалентный объем налогово-бюджетных мер

Примечание: Основой для расчета эквивалентного объема налогово-бюджетных мер является средняя производительность одного рабочего места в ЭПЗ при условии 48-часовой рабочей недели.

Источник: Оценки MOT на основе данных ILOSTAT, МБФ и Oxford Coronavirus Government Response Tracker.

составили около 11,7 %.²³

Более того, **между группами стран по уровню доходов существует большая разница в стоимости пакетов бюджетного стимулирования относительно ущерба, нанесенного рынку труда** (см. Рисунок 8). Например, в странах с высоким уровнем дохода объявленные меры бюджетного стимулирования соответствуют 10,1 % от общего объема рабочего времени, в то время как предполагаемые потери рабочего времени в среднем составляют 9,4 %. **Относительный объем налогово-бюджетных мер в сравнении с потерями рабочего времени в развивающихся странах намного меньше.**

Например, в странах с низким уровнем дохода эти меры эквивалентны лишь 1,2 % от общего объема рабочего времени, в то время как потери рабочего времени в среднем составляют 9 %.

Это расхождение между странами с развитой и развивающейся экономикой позволяет оценить величину разрыва в бюджетных стимулах в развивающихся странах относительно ущерба для рынка труда — иными словами, то количество дополнительных ресурсов, которое странам с низкими доходами потребуется затратить, чтобы достичь такого же соотношения стимулов к потерям рабочего времени, как в странах с высоким доходом.

На основании представленного выше анализа **разрыв в бюджетном стимулировании в настоящее время составляет 982 млрд долл. США в странах с низким уровнем дохода и уровнем дохода ниже среднего,**

²³ Ни для налогово-бюджетных мер, ни для потерь рабочего времени возможный мультипликативный эффект не учитывается. Также следует подчеркнуть, что меры «над чертой», на которых основан анализ, не учитывают существующие схемы социальной защиты: они охватывают только новые бюджетные ресурсы, задействованные в ответ на пандемию.

где возможности бюджетных маневров наиболее ограничены (45 млрд долл. США в странах с низким доходом и 937 млрд долл. США в странах с доходом ниже среднего). Этот разрыв эквивалентен примерно 14 % совокупного ВВП этих стран в 2019 г. Показательно то, что **разрыв в стимулах для стран с низким уровнем доходов составляет менее 1 % от общей стоимости мер бюджетного стимулирования «над чертой», объявленных странами с высоким доходом.**

Важно отметить, что развивающиеся страны, в отличие от многих стран с формирующимся рынком и стран с развитой экономикой, как правило, имеют гораздо более скромные программы социальной защиты, направленные на компенсацию

потерянных трудовых доходов, что еще сильнее увеличивает разрыв между политическими мерами реагирования и влиянием кризиса в этих странах. Более того, многие из объявленных в развивающихся странах налогово-бюджетных мер финансируются за счет перераспределения имеющихся бюджетных ресурсов, в том числе сокращения капитальных вложений и фонда оплаты труда в государственном секторе.²⁴ В совокупности эти цифры дают точную количественную оценку трудностей, с которыми сталкиваются страны с низкими доходами, в частности наименее развитые страны, при попытках смягчить влияние пандемии на экономику и рынок труда.

► Часть III. Взгляд в будущее

Анализ, представленный в настоящем выпуске *Вестника МОТ*, свидетельствует о **непрекращающемся и разрушительном влиянии пандемии на рабочие места и трудовые доходы с начала 2020 г., а также о масштабной дестабилизации рынка труда, которая сохранится в четвертом квартале.** В качестве ответных мер разработчикам политики потребуется сохранять поддержку занятости и доходов в течение ближайших месяцев и на протяжении значительной части 2021 г., а также искать решения следующих актуальных задач.

Во-первых, **крайне важным остается поддержание правильного баланса и последовательности мероприятий в области здравоохранения и экономической и социальной политики.** Рост числа случаев заболевания во всем мире заставляет многие страны вновь вводить ограничения экономической деятельности. Необдуманное или преждевременное ослабление мер предосторожности в сфере здравоохранения создает риск продления пандемии и, следовательно, усугубления ее влияния на рынок труда.

Во-вторых, **меры политического характера должны осуществляться в масштабах, соответствующих степени дестабилизации рынка труда.** Потери рабочего времени и трудовых доходов во время пандемии были огромными, и по мере роста финансовых ограничений разработчики политики столкнутся с проблемой поддержания политических мер, направленных на противодействие риску роста бедности, неравенства, безработицы и социальной изоляции. Особое внимание потребуется уделить результативности и эффективности совершаемых вложений.

В-третьих, крайне важно, чтобы **политические меры обеспечивали максимально полную поддержку уязвимых и наиболее пострадавших групп, в том числе мигрантов, женщин, молодежи и неформальных работников.** В настоящем выпуске на основе последних данных подтверждается, что потери в уровне занятости

среди женщин выше, чем среди мужчин. Вместе с тем, значительный рост бездействия означает, что разработчикам политики потребуются адаптировать политические меры реагирования, в том числе постоянную поддержку доходов и усилия по восстановлению занятости работников, чтобы избежать масштабного и долгосрочного вытеснения с рынков труда, следуя принципу обеспечения того, чтобы никто не был забыт.

В-четвертых, **ликвидация разрыва в стимулах в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах может быть достигнута только посредством большей международной солидарности.** Согласно анализу, приведенному в настоящем выпуске, большинство развивающихся стран не смогли мобилизовать необходимые ресурсы для поддержания политических мер на уровне более богатых стран, что привело к значительному «разрыву в стимулах». Устранение этих ограничений потребует дальнейшего пересмотра и реструктуризации долговых обязательств при одновременном увеличении официальной помощи в целях развития (ОПР), чтобы обеспечить наличие ресурсов для финансирования мер реагирования на продолжающийся кризис на рынке труда и в сфере здравоохранения развивающихся стран. Разработчикам политики на национальном уровне потребуется обеспечить быстрое и эффективное осуществление объявленных налогово-бюджетных мер. ООН призвала к «приданию стратегического приоритета государственному финансированию политики и программ, которые позволят получить лучшие результаты с точки зрения поддержки занятости и доходов, в особенности для людей, находящихся в уязвимом положении».²⁵

В-пятых, **социальный диалог продолжает оставаться важным и эффективным механизмом политического реагирования на кризис.** Поскольку пандемия продолжается, необходимо сохранять приверженность социальному диалогу, которым в значительной степени характеризовалось реагирование на нее на раннем этапе — особенно в свете постоянного усложнения описанных здесь проблем.

²⁴ См. МОТ, COVID-19, *Jobs and the Future of Work in the Least Developed Countries: A (Disheartening) Preliminary Account*, готовится к публикации.

²⁵ ООН, *Financing for Development in the Era of COVID-19 and Beyond: Menu of Options for the Consideration of Ministers of Finance: Part II*, сентябрь 2020 г., стр. 9.

► Статистическое приложение

► **Таблица А1. Прогнозируемые потери рабочего времени, весь мир и по группам доходов и регионам, четвертый квартал 2020 года (в эквиваленте полной занятости и в процентах)**

Область применения	Количество рабочих мест (ЭПЗ при 48 ч./нед.) (млн)	Процент потерь рабочего времени (%)
Сценарий: Базовый		
Весь мир	245	8,6
Страны с низким доходом	17	7,7
Страны с доходом ниже среднего	105	10,4
Страны с доходом выше среднего	90	7,6
Страны с высоким доходом	33	7,2
Африка	29	7,9
Северная и Южная Америка	55	14,9
Арабские государства	6	9,3
Азиатско-Тихоокеанский регион	125	7,3
Европа и Центральная Азия	28	8,5
Сценарий: Пессимистический прогноз		
Весь мир	515	18,0
Страны с низким доходом	29	13,2
Страны с доходом ниже среднего	225	22,0
Страны с доходом выше среднего	200	17,0
Страны с высоким доходом	65	14,0
Африка	55	14,7
Северная и Южная Америка	100	26,2
Арабские государства	10	16,1
Азиатско-Тихоокеанский регион	305	17,4
Европа и Центральная Азия	50	15,6
Сценарий: Оптимистический прогноз		
Весь мир	160	5,7
Страны с низким доходом	11	5,1
Страны с доходом ниже среднего	65	6,5
Страны с доходом выше среднего	60	5,2
Страны с высоким доходом	24	5,2
Африка	19	5,0
Северная и Южная Америка	38	10,1
Арабские государства	4	6,0
Азиатско-Тихоокеанский регион	85	4,8
Европа и Центральная Азия	19	5,7

Примечание: Значения эквивалента полной занятости (ЭПЗ) свыше 50 миллионов округляются до ближайших 5 миллионов, значения ниже этого порога округляются до ближайшего миллиона. Сокращение занятости представлено в эквиваленте полного рабочего времени для иллюстрации оцениваемого масштаба потерь. Значения ЭПЗ рассчитываются исходя из предположения, что сокращение рабочего времени было вызвано исключительно и исчерпывающе лишь за счет подгруппы работников, занятых полный рабочий день, и что у остальных работников не произошло никакого сокращения отработанных часов. Представленные в этой таблице цифры не следует интерпретировать как количество фактически потерянных рабочих мест или рост уровня безработицы.

Источник: Прогнозирование сценария МОТ (см. Техническое приложение 2).

► **Таблица А2. Потери трудовых доходов за первые три квартала 2020 г. по регионам и субрегионам** (в долларах США и в процентах)

	Потеря трудовых доходов (млрд долл. США, 2019 г.)	Потеря трудовых доходов (в процентах от трудового дохода)	Потеря трудовых доходов (в процентах от ВВП)
Африка	115	10,7	5,2
Северная Африка	40	11,8	4,9
Африка к югу от Сахары	75	10,2	5,4
Северная и Южная Америка	1235	12,1	6,8
Латинская Америка и Карибский бассейн	495	19,3	10,1
Северная Америка	735	9,4	5,5
Арабские государства	45	10,2	3,4
Азиатско-Тихоокеанский регион	870	9,9	4,1
Восточная Азия	480	7,2	3,3
Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион	140	9,5	3,9
Южная Азия	250	17,6	8,1
Европа и Центральная Азия	1205	10,6	6,0
Северная, Южная и Западная Европа	955	10,7	6,2
Восточная Европа	105	8,0	3,9
Центральная и Западная Азия	145	16,3	6,7

Примечание: Потери трудовых доходов в миллиардах долларов США округлены до ближайших 5 миллиардов. Сумма значений для субрегионов может не точно соответствовать общему значению для соответствующего региона из-за округления.

Источник: Оценки МОТ (см. Техническое приложение 3).

Таблица А3. Потери рабочего времени и финансовая помощь, в мире и по регионам и субрегионам, в среднем за первые три квартала 2020 г. (эквивалент полной занятости)

	Потери рабочего времени (% от общего, базовый уровень — 4 кв. 2019 г., с учетом сезонных колебаний)	Количество потерянных рабочих мест (ЭПЗ при 48 ч./нед.) (млн)	Объем мер финансовой помощи, выраженный в ЭПЗ (млн)	Разница между потерянными рабочими местами (ЭПЗ) и объемом мер финансовой помощи (ЭПЗ) (млн.)	Доля мер финансовой помощи (ЭПЗ) от потерянных рабочих мест (ЭПЗ)
Весь мир	11,7	332	123	209	0,37
<i>Страны с высоким доходом</i>	9,4	43	46	-3	1,08
<i>Страны с доходом выше среднего</i>	11,0	128	50	78	0,39
<i>Страны с доходом ниже среднего</i>	14,0	143	25	118	0,17
<i>Страны с низким доходом</i>	9,0	19	3	17	0,14
Африка	9,7	36	6	29	0,18
<i>Северная Африка</i>	12,1	7	2	5	0,30
<i>Африка к югу от Сахары</i>	9,2	28	4	24	0,15
Центральная Африка	9,5	5	0	4	0,06
Восточная Африка	9,3	12	2	11	0,14
Южная Африка	11,6	2	1	1	0,38
Западная Африка	8,6	9	1	8	0,15
Северная и Южная Америка	16,9	63	26	37	0,42
<i>Латинская Америка и Карибский бассейн</i>	20,9	50	10	39	0,21
Центральная Америка	22,2	15	1	14	0,05
Южная Америка	21,2	33	10	23	0,29
<i>Северная Америка</i>	9,9	13	16	-3	1,19
Арабские государства	10,5	6	1	4	0,25
Азиатско-Тихоокеанский регион	11,1	192	72	120	0,37
<i>Восточная Азия</i>	7,5	61	43	17	0,71
<i>Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион</i>	10,2	30	14	16	0,47
Юго-Восточная Азия	10,5	29	13	16	0,44
<i>Южная Азия</i>	16,2	102	14	87	0,14
Европа и Центральная Азия	11,1	36	17	19	0,47
<i>Северная, Южная и Западная Европа</i>	11,3	18	11	7	0,61
Северная Европа	9,5	4	2	1	0,65
Южная Европа	15,7	7	2	6	0,23
Западная Европа	9,3	6	7	0	1,02
<i>Восточная Европа</i>	8,2	9	5	4	0,54
<i>Центральная и Западная Азия</i>	15,5	9	2	8	0,17

► Технические приложения

Приложение 1. Потери рабочего времени: Модель краткосрочного прогнозирования MOT

MOT продолжает отслеживать последствия кризиса, вызванного пандемией COVID-19, для рынка труда, используя свою модель краткосрочного прогнозирования. Эта статистическая модель позволяет получить оценку ситуации на рынке труда в реальном времени, основанную на актуальных экономических показателях и данных о занятости. При таком подходе сценарий развития кризиса не задан явным образом, а формируется динамически по мере поступления данных.

Целевой показатель модели краткосрочного прогнозирования MOT — это отработанные часы²⁶, а точнее, сокращение отработанных часов, которое можно соотнести с распространением COVID-19. Чтобы оценить это снижение, за отправную точку взят фиксированный базовый период: четвертый квартал 2019 г. с учетом сезонных колебаний. Модель прогнозирует снижение часов, отработанных в первом, втором и третьем кварталах 2020 г., по сравнению с базовым периодом (поэтому приведенные цифры не следует интерпретировать как квартальные или среднегодовые темпы роста). Кроме того, для расчета эквивалентов полной занятости (ЭПЗ) на основании снижений рабочего времени в процентном выражении используется контрольный показатель отработанных рабочих часов в неделю до кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

К моменту подготовки этого выпуска *Вестника MOT* объем информации, позволяющей отслеживать ситуацию на рынке труда, существенно увеличился. В частности, в модель были добавлены следующие источники данных: дополнительные данные обследований рабочей силы за первый квартал²⁷ и за второй квартал 2020 г.; дополнительные административные данные о рынке труда (например, зарегистрированный уровень безработицы); и актуальные данные о перемещении людей, полученные компанией Google с мобильных телефонов (Google Community Mobility Reports). Также при оценке были использованы последние данные Google Trends, актуальные значения индекса строгости мер реагирования Оксфордского университета (здесь и далее — Оксфордский индекс строгости) и новые данные о распространении COVID-19. Для моделирования взаимосвязи этих переменных с отработанными часами использовался метод главных компонент. На основе имеющихся оперативных данных оценивается ретроспективная статистическая зависимость между этими показателями и реально отработанными часами, а полученные коэффициенты используются для прогнозирования дальнейшей динамики показателя отработанных часов с учетом последних наблюдаемых индикаторов краткосрочного прогнозирования. Мы оцениваем множество взаимосвязей на основе точности их прогноза и того, как они проявляют себя в поворотные моменты, чтобы построить средневзвешенный прогноз. Для тех стран, по которым имелись высокочастотные данные об экономической активности, но либо отсутствовали данные для целевой переменной, либо вышеуказанная методология не подходила, прогноз строится на основе оценочных коэффициентов и данных других стран.

Для всех остальных стран потери рабочего времени были выведены методом экстраполяции данных по тем странам, где применялся прямой подход. Основой для экстраполяции стало наблюдаемое согласно отчетам о перемещении Google Community Mobility Reports²⁸ снижение частоты перемещений, а также Оксфордский индекс строгости, так как велика вероятность, что в странах с соизмеримым снижением частоты перемещений и одинаково строгими ограничениями потери отработанного времени будут сходными. Из отчетов Google Community Mobility Reports брались средние значения индексов перемещения до места работы и в места «розничной торговли и отдыха». Индексы мобильности и строгости мер реагирования были объединены в один показатель²⁹ методом главных компонент (PCA).³⁰ Для стран, по которым отсутствовали данные об ограничениях, экстраполяция последствий для отработанного времени проводилась на основании данных о перемещениях (при их наличии), а также на основании обновленных сведений о распространении пандемии COVID-19. Так как разные страны по-разному осуществляют подсчет случаев заболевания, для оценки распространения пандемии используется наиболее объективный показатель — количество умерших пациентов. Значение указывается в месячном выражении, но данные обновляются ежедневно. Источником является Европейский центр профилактики и контроля заболеваний. Наконец, для небольшого числа стран, по которым на момент оценки данные не доступны, для условного расчета целевого показателя использовалось среднее значение по региону. В Таблице A4 обобщена информация о статистических подходах, применяемых для оценки целевого показателя для каждой страны.

²⁶ Фактическое количество отработанных часов на основном месте работы.

²⁷ Включая данные Евростата по большому количеству европейских стран.

²⁸ Добавление снижения мобильности в качестве переменной позволяет усилить экстраполяцию результатов на страны с меньшим количеством данных. Отчеты Google Community Mobility Reports используются совместно с индексом строгости Оксфордского университета, чтобы отразить различную реализацию ограничительных мер. Показатель рассчитан не за весь первый квартал, поэтому в оценках по этому кварталу использованы только данные о строгости мер и о распространении COVID-19. Источник данных: <https://www.google.com/covid19/mobility/>.

²⁹ Отсутствующие данные о мобильности выведены на основе строгости ограничительных мер.

³⁰ Чтобы компенсировать нехватку данных в третьем квартале, а также чтобы задействовать временные ряды, содержащиеся в данных о мобильности и строгости, для стран, в которых нельзя было напрямую прогнозировать третий квартал, использовался комбинированный подход. В частности, оценка была получена на основе среднего значения прямого прогноза по третьему кварталу и экстраполяции, основанной на главных компонентах мобильности и строгости. Экстраполяция была скорректирована как функция от наблюдаемой во втором квартале разницы между экстраполяцией и прямым прогнозом для каждой отдельной страны.

Таблица А4. Подходы к оценке потерь рабочего времени

Подход	Используемые данные	Область применения
Краткосрочное прогнозирование на основе высокочастотных экономических данных (прямой или панельный подход)	Данные, собираемые с высокой периодичностью, в том числе: обследования рабочей силы, административные данные о рынке труда, индекс PMI (страновой или по группе), данные Google Trends; данные национальных счетов; показатели предпринимательской уверенности и потребительского доверия	Аргентина, Австралия, Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Бразилия, Болгария, Канада, Чили, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Франция, Грузия, Германия, Греция, Гонконг (Китай), Венгрия, Исландия, Исламская Республика Иран, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Латвия, Литва, Люксембург, Малайзия, Мексика, Монголия, Нидерланды, Новая Зеландия, Северная Македония, Норвегия, Филиппины, Польша, Португалия, Республика Корея, Румыния, Саудовская Аравия, Сербия, Сингапур, Словакия, Словения, Южная Африка, Испания, Швеция, Швейцария, Таиланд, Турция, Украина, Соединенное Королевство, США, Вьетнам
Экстраполяция на основе мобильности и ограничительных мер	Отчеты Google Community Mobility Reports (2 кв. 2020 г. и далее) и/или Оксфордский индекс строгости	Афганистан, Албания, Алжир, Ангола, Азербайджан, Багамские Острова, Бахрейн, Бангладеш, Барбадос, Беларусь, Белиз, Бенин, Бутан, Боливия (Многонациональное Государство), Ботсвана, Бруней-Даруссалам, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Камбоджа, Камерун, Центральноафриканская Республика, Чад, Конго, Куба, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго, Джибути, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет, Сальвадор, Эритрея, Эстония, Эсватини, Эфиопия, Фиджи, Финляндия, Габон, Гамбия, Гана, Гуам, Гватемала, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гайана, Гаити, Гондурас, Индия, Индонезия, Ирак, Ямайка, Иордания, Казахстан, Кения, Кувейт, Кыргызстан, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Ливан, Лесото, Либерия, Ливия, Макао (Китай), Мадагаскар, Малави, Мали, Мальта, Мавритания, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Мьянма, Намибия, Непал, Никарагуа, Нигер, Нигерия, оккупированная палестинская территория, Оман, Пакистан, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Катар, Республика Молдова, Российская Федерация, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Соломоновы Острова, Сомали, Южный Судан, Шри-Ланка, Судан, Суринам, Сирийская Арабская Республика, Таджикистан, Тимор-Лешти, Того, Тринидад и Тобаго, Тунис, Туркменистан, Уганда, Объединенные Арабские Эмираты, Объединенная Республика Танзания, Уругвай, Узбекистан, Вануату, Венесуэла (Боливарианская Республика), Йемен, Замбия, Зимбабве
Экстраполяция на основе заболеваемости COVID-19	Показатель распространения COVID-19, детали по субрегиону	Армения, Коморские Острова, Экваториальная Гвинея, Французская Полинезия, Мальдивы, Черногория, Новая Каледония, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Сан-Томе и Принсипи, Американские Виргинские острова, Западная Сахара
Экстраполяция на основе региона	Детали по субрегиону	Нормандские острова, Корейская Народно-Демократическая Республика, Самоа, Тонга

Примечания: (1) Области применения соответствуют территориям, для которых рассчитываются смоделированные оценки МОТ. (2) Странам и территориям присваивается категория в соответствии с подходом, использованным для второго квартала 2020 г. (3) Для моделирования воздействия на Китай в первом квартале 2020 г., в регрессии, применяемой для экстраполяции результата по стране, используется зависимая переменная (потери рабочего времени), а также индекс Google Trends для стран, по которым есть данные за второй квартал. Это связано с тем, что экстраполяция выполняется за квартал, в котором на целевую страну в среднем оказывается значительное влияние. Также, учитывая то, что с момента выхода третьей версии *Вестника МОТ* новой информации по первому кварталу в Китае не поступало, оценка для первого квартала осталась той же. Для Филиппин использовалась специальная версия Обзора рабочей силы за апрель 2020 г., сопоставленная с данными за апрель 2019 г. Результаты за апрель 2020 г. были напрямую использованы для экстраполяции на май и июнь с применением данных отчетов Google Community Mobility Reports. Для пяти стран (Дания, Венгрия, Румыния, Словакия и Украина) результаты прямого прогноза были признаны неудовлетворительными и были заменены показателями сокращения производительности из данных национальных счетов.

Последнее обновление данных охватывало период с 21 по 28 августа 2020 г., в зависимости от источника. Учитывая исключительность ситуации и нехватку соответствующих данных, оценки могут иметь значительную погрешность. Беспрецедентные потрясения на рынке труда вследствие пандемии COVID-19 сложно оценить путем сопоставления с ретроспективными данными. Например, сложность для оценки представляет нетипично высокое снижение отработанных часов в развивающихся странах, рассматриваемое в основном документе. С момента выхода последнего издания *Вестника МОТ* эта закономерность была подтверждена; она по-прежнему означает серьезный риск снижения глобальной трудовой активности. Кроме того, на момент проведения оценки по-прежнему практически отсутствовали временные ряды с достаточным количеством измерений показателей, включая данные ОРС. Эти ограничения приводят к высокой степени неопределенности. По этим причинам оценки регулярно обновляются и пересматриваются МОТ.

Приложение 2. Прогнозы на четвертый квартал 2020 г.

МОТ разработала модель прогнозирования количества отработанных часов в четвертом квартале 2020 г. Как и в модели краткосрочного прогнозирования, интересующая переменная — это среднее количество часов, отработанных человеком трудоспособного возраста. Модель подразумевает, что изменение количества часов является функцией, зависящей от разрыва между количеством отработанных часов с учетом долгосрочной тенденции роста ВВП и его отставания, а также то, что это изменение является показателем нахождения в периоде восстановления экономики (см. Уравнение 1 ниже).

$$\Delta h_{(i,t)} = \beta_{(0,i)} + \beta_{(1,i)} \text{ gap}_{(i,t)} + \beta_{(2,i)} \Delta \text{GDP}_{(i,t)} + \beta_{(3,i)} \Delta \text{GDP}_{(i,t-1)} + \beta_{(4)} \text{ Recovery}_{(i,t)} \quad (1)$$

Используется многоуровневое моделирование со смешанными эффектами, то есть в модели также оценивается распределение параметров наклона для разрыва и роста ВВП. Это позволяет вывести случайные эффекты для отдельных стран, и для каждой страны получить конкретные величины отклонения коэффициентов от значения центрального коэффициента, полученного для панельных данных. Для прогноза на четвертый квартал 2020 г. необходима квартальная корректировка модели. Используя выборку из 52 стран с доступными данными на ежеквартальной частоте, оцениваются коэффициенты уравнения (1) и соответствующие страновые случайные эффекты. Кроме того, уравнение (1) оценивается также для полной выборки стран по годовой частоте, чтобы вывести случайные эффекты для отдельных стран, которые затем применяются к центральным коэффициентам (ранее рассчитанным с использованием квартальных данных). Таким образом можно получить страновые коэффициенты для каждой страны. Для коэффициента, указывающего на наличие периода восстановления экономики ($\beta_{(4)}$), не было случайных эффектов для оценки, так что он одинаков для всех стран.

Долговременная тенденция для оценки разрыва в количестве отработанных часов подбирается с использованием фильтра временных рядов Баттерворта. Кроме того, мы оцениваем темпы коррекции долгосрочной тенденции к новым зафиксированным показателям отработанных часов и применяем эту корректировку для прогнозирования эволюции долгосрочной тенденции в наших сценариях. По мере развития кризиса, неявный показатель сокращения разрыва скорректирован в сторону уменьшения.

Базовый сценарий квартального роста ВВП взят из базы данных «Экономист Интеллидженс Юнит» (Economist Intelligence Unit) по состоянию на 28 августа 2020 г. Для стран, по которым нет доступных квартальных прогнозов, предполагаемая траектория роста ВВП в 2020 г. выстраивается с учетом (а) оценочных потерь рабочего времени в первом и втором кварталах, (б) аналогичных графиков для стран, по которым данные имеются, и (с) годового прогноза экономического роста из базы данных «Экономист Интеллидженс Юнит». В этом выпуске *Вестника МОТ* базовый сценарий учитывает продолжающееся негативное влияние пандемии на рынок труда, что замедляет восстановление в существенно большей степени, чем можно было бы ожидать на основании исторических прецедентов. В частности, мы понижаем коэффициент $\beta_{(1)}$, который определяет, насколько сильно отработанные часы зависят от разрыва по сравнению с долговременной тенденцией, до нижнего 15-го перцентиля исторически оцененного распределения, вместо того, чтобы использовать его среднее значение.

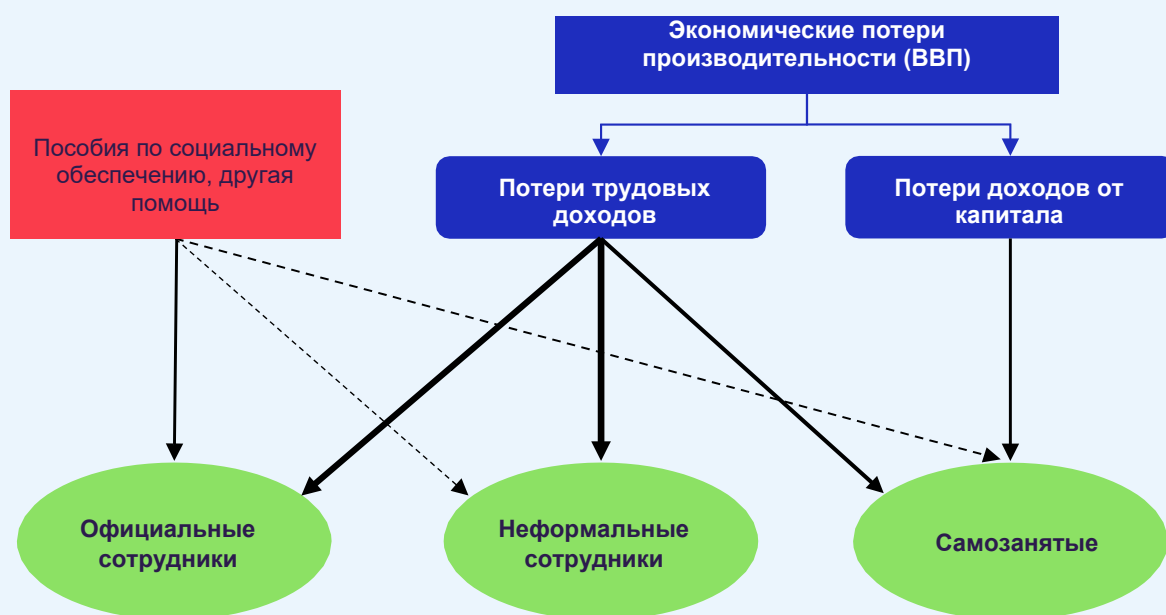
В дополнение к базовому сценарию проработаны и представлены два альтернативных сценария. Пессимистический сценарий опирается на проведенный в июне 2020 г. анализ для экономического прогноза ОЭСР, в котором рассматривается повторный всплеск COVID-19 в четвертом квартале 2020 года и последующая за ним вторая волна необходимых экономических ограничений. В модель данный сценарий закладывается так: потери рабочего времени в четвертом квартале относительно квартала с наибольшими на данный момент потерями принимаются пропорциональными прогнозируемому ОЭСР относительному снижению ВВП. Кроме того, среднее падение ВВП, прогнозируемое ОЭСР на четвертый квартал, также применяется к странам, не входящим в ОЭСР.

Для оптимистического сценария основополагающее предположение состоит в том, что работники быстро возвращаются к своей деятельности, несмотря на сохраняющийся разрыв в объемах производства. Такое восстановление рабочих мест приведет к росту спроса и будет способствовать дальнейшему улучшению ситуации в сфере занятости. Мы отражаем это в модели, увеличивая скорость реакции на разрыв в отработанных часах (коэффициент $\beta_{(1)}$, описанный выше) до верхнего 30-го перцентиля.

Приложение 3. Методика оценки потери трудовых доходов

Потери трудовых доходов, представленные в этом выпуске *Вестника МОТ*, не приравниваются к потерям доходов домохозяйств, поскольку у домохозяйств также есть и другие источники дохода. Во время этого кризиса наиболее важными компонентами в изменении доходов домохозяйств являются потери трудовых доходов и степень, в которой трудовые доходы замещаются пособиями и социальным обеспечением или какими-либо другими программами помощи (см. Рисунок А1). Другие источники, такие как доходы от финансовых вложений, играют лишь незначительную роль для большинства домашних хозяйств. Доходы от экономической деятельности самозанятых включают как трудовой доход, так и подразумеваемый доход от капитала (материального и нематериального). При сокращении рабочего времени обе составляющие дохода снижаются одновременно.

Рисунок А1. Упрощенная модель потери трудовых доходов

Потери трудовых доходов в экономике рассчитываются как произведение потерь рабочего времени и трудовых доходов пострадавших рабочих. Таблица 2 во втором выпуске *Вестника МОТ* иллюстрирует гетерогенный характер воздействия кризиса по секторам экономики: уровень риска потерь рабочего времени и уровень дохода в разных секторах отличаются. Поэтому при оценке потерь трудовых доходов мы используем расчетные относительные потери рабочего времени по секторам, оценки относительных трудовых доходов по секторам и оценки общих трудовых доходов в экономике, используя уравнение (1):

$$\Delta LI_T = \sum_s \Delta h_s SH_s w_s SH_{LI} GDP \quad (1)$$

В (1) Δh_s — это относительное сокращение общего количества часов, отработанных в секторе, SH_s — доля занятых в секторе в общей занятости, w_s — отношение средних трудовых доходов на одного работника в секторе к средним трудовым доходам на одного работника в экономике, SH_{LI} — доля трудовых доходов в экономике, а GDP — это валовой внутренний продукт. Произведение двух последних членов дает общие трудовые доходы, а первые три члена показывают, насколько трудовые доходы падают. МОТ уже проводила оценки доли занятости по отраслям и доли трудовых доходов для всех стран. Оценки ВВП на 2019 год взяты из базы данных Всемирного банка «Показатели мирового развития». Для оценки изменения трудовых доходов необходим прогноз двух новых показателей: относительных потерь отработанных часов по секторам и относительных трудовых доходов по секторам. Используемая методология описана ниже.

Оценка относительных потерь отработанных часов по секторам основана на общем количестве часов, отработанных в секторе во втором квартале 2020 г. Такие данные имеются по 11 странам со средним и высоким уровнем доходов. Снижение этого значения относительно прогнозируемого по докризисной тенденции дает относительные потери отработанных часов по секторам для этих стран. Прогноз для остальных стран представляет собой простое среднее значение среди этих реальных наблюдений, поскольку для реализации любого другого подхода к моделированию количество наблюдений слишком мало. Кроме того, относительные потери отработанных часов по секторам корректируются так, чтобы общее количество потерянных часов соответствовало общей оценке потерь рабочего времени согласно модели краткосрочного прогнозирования МОТ. В целом, относительные потери часов по секторам находятся в соответствии с матрицей рисков, представленной в Таблице 2 второго выпуска *Вестника МОТ*.

Относительные трудовые доходы по секторам определяются с использованием базы данных МОТ о средней заработной плате работников по видам экономической деятельности. Эта база данных охватывает 129 стран с почти 1 000 наблюдений по каждому сектору. Для стран, по которым данные отсутствуют (а также за 2019 г. для стран, где временные ряды прекращаются до этого года) относительная заработная плата по секторам моделируется с использованием метода перекрестной проверки, который минимизирует ожидаемую погрешность прогноза. Затем эти прогнозы корректируются так, чтобы взвешенная по занятости сумма значений относительных трудовых доходов по секторам была равна единице.

Приложение 4. Методология оценки воздействия налогово-бюджетной политики на рынки труда

Определение экономического эффекта от налогово-бюджетного стимулирования является центральной темой в экономике, и для его оценки используется широкий спектр теоретических и эмпирических подходов. Учитывая, что изменения в налогово-бюджетной политике тесно связаны с состоянием экономики, измерить их причинно-следственное влияние на экономические условия чрезвычайно трудно.³¹ Это затруднение усугубляется комплексными политическими действиями: меры общественного здравоохранения сокращают экономическую активность, из-за чего для устранения нанесенного экономического ущерба принимаются меры экспансионистские фискальной политики (например, программы сохранения рабочих мест и программы дополнительных пособий по безработице).

Процедура оценки

С учетом того, что воздействие программ стимулирования трудно оценивать, используемый в этом выпуске *Вестника МОТ* подход фокусируется на анализе уже имеющегося эффекта экспансионистской политики на экономическую активность, а не на кумулятивном воздействии этой фискальной политики в конечном итоге. Пусть FP_i обозначает индекс, отражающий интенсивность экспансионистской фискальной политики страны i . Интерес представляет то, как этот индекс влияет на снижение экономической активности во втором квартале. Если ∇Y_i означает снижение экономической активности (в процентах) из-за COVID-19 во втором квартале 2020 г. по сравнению с базовым периодом, а именно четвертым кварталом 2019 г., в той или иной стране, то необходимо вычислить оценочное значение параметра γ в следующем выражении:

$$\nabla Y_i = \gamma \cdot FP_i + u_i$$

где u_i обозначает влияние всех других факторов, приводящих к потере экономической активности. Одна из ключевых трудностей в оценке γ , воздействия экспансионистской фискальной политики на экономическую активность, заключается в том, что спады в потреблении и производстве из-за введенных в связи с охраной общественного здоровья ограничений и уязвимости экономической структуры к негативному воздействию COVID-19 в большой степени вызваны этой фискальной политикой. Поэтому для оценки исследуемого эффекта необходима декомпозиция остальных факторов экономического шока. В частности, мы делаем следующее предположение:

$$u_i = \alpha + \beta \cdot dhr_i + \delta \cdot ear_i + \varepsilon_i$$

Данное выражение предполагает, что экономический ущерб, связанный со всеми другими факторами, может быть выражен как сумма четырех элементов: константа — α ; влияние переменной, отражающей спад потребления и производства, вызванный ситуацией в области общественного здравоохранения и ограничениями — dhr_i ; влияние доли занятых в секторах с высоким риском — ear_i ; и остаточный член — ε_i . Мы ожидаем, что в странах с более строгими ограничениями в связи с охраной общественного здоровья и, следовательно, с большим спадом нормального потребления и производства, экономическая активность снизится³² —

³¹ См. например, Olivier J. Blanchard and Daniel Leigh, "Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers", *American Economic Review* 103, No. 3 (2013), 117–120; Emi Nakamura and Jón Steinsson, "Fiscal Stimulus in a Monetary Union: Evidence from US Regions", *American Economic Review* 104, No. 3 (2014), 753–792; Christina D. Romer and David H. Romer, "The Macroeconomic Effects of Tax Changes: Estimates Based on a New Measure of Fiscal Shocks", *American Economic Review* 100, No. 3 (2010), 763–801.

³² Здесь нет тавтологии, так как трудности в производстве или потреблении определенных товаров и услуг могут быть компенсированы потреблением и производством других товаров и услуг.

при прочих равных. Точно также мы ожидаем, что в странах с более высокой долей занятости в секторах с высоким уровнем риска будет наблюдаться более существенное снижение активности. Наконец, остаточный член ε_i охватывает все другие потенциальные драйверы. Следовательно, мы можем выразить потери в экономической активности как:

$$\Delta Y_i = \alpha + \gamma \cdot FP_i + \beta \cdot dhr_i + \delta \cdot ear_i + \varepsilon_i$$

Используя этот эмпирический подход, мы оцениваем связь между программами стимулирования и экономическими потерями во втором квартале 2020 г. после учета спада, вызванного ограничениями в связи с охраной общественного здоровья, и доли занятости в секторах с наибольшим риском потерь из-за воздействия COVID-19. Это можно более кратко выразить как получение оценки γ , $\hat{\gamma}$ с помощью метода наименьших квадратов (МНК). Для оценки параметра, мы просто используем регрессию по методу наименьших квадратов, следуя приведенному выше выражению.

Чтобы это измерение имело причинную интерпретацию, необходимо, чтобы ε_i (все другие экономические факторы снижения активности) не коррелировали с нашими объясняющими переменными (FP_i , dhr_i , ear_i). Адаптация эмпирической модели для того чтобы с достаточной долей вероятности обеспечить соблюдение данного условия (или аналогичных условий) выходит за рамки текущего исследования. Поэтому мы не утверждаем, что обнаружили причинно-следственную связь. Однако мы бы хотели отметить, что связь, обнаруженная после учета ключевых факторов (ограничения в связи с охраной общественного здоровья и доля занятости в наиболее подверженных риску секторах), с высокой долей вероятности обусловлена реализацией мер налогово-бюджетного стимулирования и является в высшей степени информативной. Также во внимание не был принят другой ключевой фактор экономической активности, потенциально связанный с программами стимулирования и денежно-кредитной политикой. В макроэкономической литературе принято считать, что шоки денежно-кредитной политики сказываются на объеме производства не сразу.³³ Из-за выбранного для анализа временного горизонта (второй квартал 2020 года), мы предполагаем, что изменения в денежно-кредитной политике не повлияют на уровень экономической активности во втором квартале.

Важно подчеркнуть, что влияние налогово-бюджетной политики на экономическую активность на протяжении рассматриваемого периода вероятно будет меньшим, чем в менее исключительном контексте. На это есть две основные причины. Во-первых, учитывая рассматриваемый временной горизонт, текущий анализ исключает любые потенциальные динамические эффекты. Эффект бюджетного стимулирования безусловно может сразу же оказывать влияние на объем производства и экономическую активность. Однако основная составляющая мультипликативного воздействия налогово-бюджетных стимулов складывается из динамических эффектов, для реализации которых требуется время (например, несколько кварталов).³⁴ Во-вторых, во втором квартале 2020 г. действовали строгие ограничения в связи с охраной общественного здоровья. Эти ограничения затрудняли или делали невозможным производство определенных товаров и оказание некоторых видов услуг. Поэтому множитель может быть меньше обычного.³⁵ Кроме того, эти ограничения в предложении могут привести к тому, что динамические эффекты стимулирования (вместо мгновенного эффекта) будут играть большую роль, чем обычно. Эти два фактора ограничили бы предполагаемый эффект налогово-бюджетной политики, даже если бы все предположения нашей эмпирической модели оказались верны. По этой причине настоящая работа направлена на получение доказательств лишь того, что уже проведенная экспансионистская фискальная политика нивелировала потери в экономической активности. Таким образом, полученные оценки не могут использоваться для анализа общего эффекта программ налогово-бюджетного стимулирования или для формулирования нормативных выводов о достаточности объема таких программ.

Используемые данные

В качестве показателя экономической активности мы используем потери рабочего времени в ряде стран во втором квартале 2020 года. Критерии отбора стран следующие: включены только зарегистрированные наблюдения или оценки из модели прямого краткосрочного прогнозирования.³⁶ Для измерения налогово-бюджетного стимулирования мы используем логарифм от отношения размера помощи к годовому ВВП. Наконец, мы используем две переменные, чтобы учесть, насколько велик был бы экономический шок от COVID-19, если бы влияние налогово-бюджетной политики было исключено. Первая — это снижение мобильности до места работы и в места розничной торговли (среднее значение двух этих индексов) по данным из отчетов Google Community Mobility Reports. Эта переменная достаточно хорошо отражает степень, в которой ситуация в области охраны общественного здоровья (состояние самой пандемии и ограничений, принятых для борьбы с ней) влияет на нормальную производственную и потребительскую активность.³⁷

³³ См.: Lawrence J. Christiano, Martin Eichenbaum and Charles L. Evans, "Monetary Policy Shocks: What Have We Learned and to What End?", in *Handbook of Macroeconomics*, Vol. 1, Part A, ed. John B. Taylor and Michael Woodford, 65–148 (Boston, MA: Elsevier, 1999).

³⁴ См.: Christina D. Romer and David H. Romer, "The Macroeconomic Effects of Tax Changes: Estimates Based on a New Measure of Fiscal Shocks", *American Economic Review* 100, No. 3 (2010), 763–801.

³⁵ См.: Veronica Guerrieri, Guido Lorenzoni, Ludwig Straub and Iván Werning, "Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages?", NBER Working Paper No. 26918, April 2020.

³⁶ Дополнительную информацию о типах оценок см. в Техническом приложении 1.

³⁷ Эта переменная, полученная на основе поведенческих наблюдений, вероятно, будет более сопоставима на международном уровне, чем переменные, основанные на нормативных подходах (например, Оксфордский индекс строгости). В частности, мы можем наблюдать систематические различия в снижении мобильности среди разных групп доходов, связанном с жесткостью мер охраны общественного здоровья, что можно объяснить разной степенью соблюдения предписаний. См. Julien Maire, "Why Has COVID-19 Lockdown Compliance Varied between High- and Low-Income Countries?", Peterson Institute for International Economics, 20 августа 2020 г. Мы провели моделирование, включив в регрессию обе переменные (снижение мобильности и индекс строгости), и полученные оценки оказались похожими.

Следовательно, разумно предположить, что можно ожидать большего экономического ущерба в странах, где снижение этой переменной более существенно. Вторая используемая переменная — это доля занятых в секторах с высоким уровнем риска.³⁸ Назначение этой переменной — уловить уязвимость рынка труда той или иной страны перед COVID-19: предполагается, что в странах с более высокой долей занятости в секторах с высоким риском ожидается большее сокращение отработанных часов.

В следующей таблице приведены прокси, используемые для каждой переменной, и источники данных для них:

Представляемая переменная	Условное обозначение	Используемые данные
Снижение активности	∇Y_i	Потери рабочего времени во втором квартале 2020 г. Только наблюдения или прямой прогноз (на переменную влияют только показатели экономической активности). Источник: Модель краткосрочного прогнозирования МОТ.
Индекс налогово-бюджетного стимулирования	FP_i	Логарифм от объема мер из категории «над чертой», выраженного как доля от ВВП в 2019 г. Источник: Международный Валютный Фонд.
Индекс спада, вызванного ситуацией в области охраны общественного здоровья и ограничениями	dhr_i	Снижение мобильности до места работы и мест розничной торговли (среднее из двух) Источник: Отчеты Google Community Mobility Reports
Доля занятых в наиболее подверженных риску секторах	ear_i	Доля занятых в четырех секторах экономики, которые определены как наиболее подверженные риску. Источник: Смоделированные оценки МОТ.

Построение регрессии и результаты

Результаты построения МНК-регрессии согласно следующему уравнению:

$$\nabla Y_i = \alpha + \gamma \cdot FP_i + \beta \cdot hr_i + \delta \cdot ear_i + \varepsilon_i$$

представлены в таблице ниже (34 наблюдения, R-квадрат: 0,769).

Переменная	Коэффициент	t-статистика
FP_i	-0,037	-3,72
dhr_i	-0,051	-8,24
ear_i	0,398	2,63

Чтобы обеспечить устойчивость, мы выполняем еще одно регрессионное построение, в котором ситуация в области охраны общественного здоровья и влияние ограничений моделируются с использованием двух прокси-переменных. Первая используемая переменная такая же, как и в предыдущем анализе, — это переменная dhr_i , основанная на данных отчетов Google Community Mobility Reports. В качестве дополнительной переменной мы использовали Оксфордский индекс строгости, OSI_i , который измеряет строгость ограничительных мер в связи с охраной общественного здоровья на основе нормативного подхода.³⁹ Так мы можем зафиксировать воздействие пандемии как с помощью наблюдаемой, так и с помощью нормативной переменной. Результаты представлены в следующей таблице:

Переменная	Коэффициент	t-статистика
FP_i	-0,032	-3,11
dhr_i	-0,043	-5,46
OSI_i	0,002	1,32
ear_i	0,434	2,86

Предполагаемый эффект индекса строгости имеет ожидаемый знак (более высокая строгость связана с более высокими потерями отработанных часов). При этом коэффициент не является статистически значимым и поэтому не был включен в регрессию, обсуждаемую в основном тексте.

³⁸ Согласно определению МОТ, *Вестник МОТ: COVID-19 и сфера труда – Второй выпуск*, 7 апреля 2020 г.

³⁹ Индекс основан на мерах, принятых государственными органами; он не отражает различий в уровне обеспечения их выполнения.